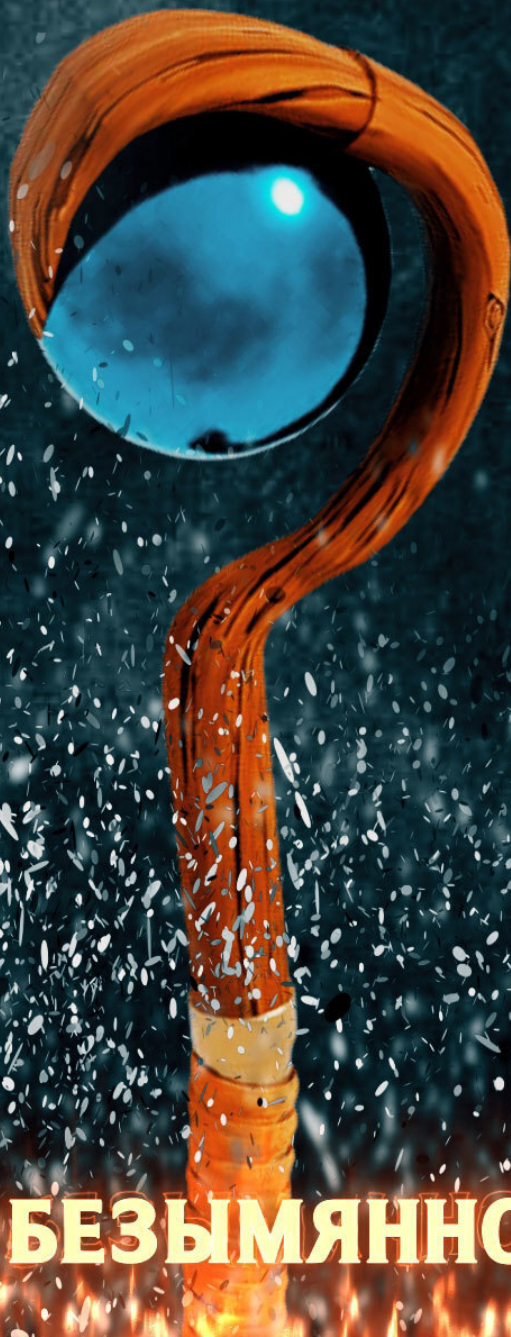

КИРИЛЛ КЛЕВАНСКИЙ

ЛЕГЕНДЫ БЕЗЫМЯННОГО МИРА

ПЕЛЕЛ

ИДДК

Легенды безымянного мира

Кирилл Клеванский

**Легенды Безымянного
Мира. Книга 1. Пепел**

«ИДДК»

2020

Клеванский К. С.

Легенды Безымянного Мира. Книга 1. Пепел /
К. С. Клеванский — «ИДДК», 2020 — (Легенды безымянного
мира)

"Пепел" - первая книга цикла "Легенды Безымянного Мира", приквел к книге "Сердце Дракона". Еще до того, как погасла Миристаль. До битвы Небес и Земли. Когда еще не был заточен на Горе Черепов Черный Генерал, странствовал волшебник, ищущий на бесконечных тропах Безымянного Мира себя, свое прошлое и свое будущее. Это легенда о Пепле, Мастере Тысяче Слов, Кровавом Генерале. Что из неё правда, а что нет - решать только вам. Но именно так её рассказывали маленьким детям, чтобы те не боялись кошмаров, в те времена, когда легенды старого мира еще помнили.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
292-й год эпохи Пьяного Монаха, Срединное царство	6
299-й год эры Пьяного Монаха, где-то на границе Срединного царства	9
Два дня спустя	12
Глава 2	14
322-й год эры Пьяного Монаха, Срединное царство	14
Две недели спустя, деревня Два Силка, Срединное царство	18
Три дня спустя, Мистритский тракт	24
Неделю спустя – 26-й день месяца тамир, 322 год эры Пьяного Монаха, Срединное царство, Мистрит	29
26-й день месяца тамир, 310-й год эры Пьяного Монаха, где-то на границе Срединного царства	35
Глава 3	37
Два дня спустя	47
27-й день месяца нуст, 310-й год, Срединное царство, королевский дворец	50
31-й день месяца тамир, 322-й год, где-то на восточной границе Срединного царства	57
Глава 4	58
Вечер того же дня	61
Одну беспокойную ночь спустя	68
31-й день месяца гремий, 318-й год, где-то на восточной границе Срединного царства	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Кирилл Клеванский

Легенды безымянного мира. Книга 1

Пепел

Пролог

Красная комета расчертила небо, привлекая внимание всех тех, кто по ночам не мнет простыни, проверяя на прочность труды столяров. Среди таких оказалась и старая Гвел. Приложив ладонь к морщинистому пергаментному лбу, она сильнее оперлась на посох и постаралась ускорить шаги немощных ног.

В миг, когда вестник богов затмил красавицу Миристаль, Гвел уже знала, что грядет. Безымянную планету ждали события, которые пошатнут бездну демонов, мир людей, королевство Фейри и даже Седьмое Небо, заставив Яшмового Императора вспомнить о своих обязанностях.

Красная комета – послание самой судьбы, стоящей над всеми богами, бессмертными и смертными. Она сделала свой ход, уверенной недрогнувшей рукой двинув пешку на клетку вперед. И лишь одного этого хватит, чтобы мир сгорел в сиянии предначертанного.

Гвел шла по тракту, глядя, как среди звезд исчезает красный след, оставленный хозяйкой самих богов.

– Я поняла тебя, моя королева, – шептали иссохшие губы, на миг обнажившие кривые зеленые зубы. – Я поняла тебя.

Комета исчезла, и Миристаль, словно фыркнув вслед промелькнувшей вертихвостке, вновь залила луга серебряным сиянием. Она пыталась сгладить тот алый отблеск, заполнивший долину неоощуцаемой кровью, оставившей на языке медный привкус.

История, изменившая мир, начиналась.

Глава 1

Полукровка

292-й год эпохи Пьяного Монаха, Срединное царство

Гвел облегченно вздохнула, увидев, как над пролеском поднимается черный столб дыма. До ее чуткого носа, не в пример полуслепым глазам, донеслись запахи гари и жженных тел. В воздухе еще играла песнь сытой стали, вдоволь напившейся теплой крови.

Нормальный человек, почувствовав, как спина покрывается гусиной кожей, а древние инстинкты велят бежать, задумался бы о своих действиях. Но только не Гвел. Она уверенно шла по следу кометы. Кто знает, что судьба уготовила ей, но королева четко дала понять своей жрице – ты избрана. Неизвестно для чего и почему, впрочем, так оно всегда и бывает. Лишь боги любят разглагольствовать, судьба же молчалива в своем всеведении.

Босые ноги, покрытые черными струпами, слегка утопали в дорожной пыли, но шаг Гвел был тверд... Насколько это позволял старый посох, выточенный из чардрева. Не слишком дорогой, но иной тернит-магик позавидовал бы такому.

Трава вокруг шелестела, говоря на языке, который Гвел выучила так давно, что порой путала с человеческим. Облака в небе плыли столь величаво, что можно было подумать, будто они коронованные особы. Но и они говорили со жрицей судьбы и та им внимала.

Ночью, когда вестник пустился в путь по черному покрывалу небес, здесь произошла жаркая битва. Караван из дюжины путешественников натолкнулся на Орден Когтистого Крыла. Очередное сборище отверженных некромантов и малефиков.

Безусые юнцы, пьяные от собственных сил и чувства всемогущества. Ну и, понятное дело, любители продать свои нежные, молодые тела демонам. Поколение извращенцев... Именно из-за таких вот отбросов жители Тринадцати Королевств так яро ненавидят всех тернитов.

Пробравшись по тропинке, разделявшей пролесок на две части, Гвел остановилась перед опушкой.

Облака всегда любят приукрашивать – они ходят высоко, им там плохо видно, что происходит в мире. Здесь была вовсе не бойня, а кровавая резня. На земле цвета мокрого купороса лежали истерзанные тела защитников каравана. Молодые парни, рискнувшие взять в руки клинки.

Они жаждали славы и приключений, а вместо этого их матери будут долго плакать у окна, всматриваясь в очередную вереницу купцов. А вдруг там идет их родненький?

Гвел сплюнула.

Больше дворян и королей она ненавидела таких вот простолюдинов, решивших, что у них есть сила, чтобы выйти за городские стены.

Перешагнув через тело бойца, чей начавший распухать язык вывалился из рассеченной глотки, старая жрица подошла к опаленному дилижансу. Именно там – в недрах некогда богатой повозки – чувствовался пульс Терны.

– Подвинься, нелюдь! – И с виду сухая и немощная старуха толкнула высокого красавца, заслонившего вход внутрь.

Пронзенный десятком стрел, разворотивших его кожаный доспех, он отлетел на пару метров в сторону. Первое правило безымянной планеты – ни в коем случае не гневи старух в рваных хламидах. Никогда не знаешь, какой магией они владеют и с кем говорят в своих зачарованных рощах.

– Ну зачем же так... – вздохнула Гвел, когда поняла, что попытки пробраться внутрь принесут лишь лому в костях.

Еретики не скупилась на средства, разнеся дилижанс в щепы. Снаружи он еще хоть немного походил на средство передвижения кочевников, а вот внутри... Обгоревшие балки упали на пробитый пол, наконечники стрел утыкали обе стены. Небось нападали скопом – со всех сторон. Безвкусно, но действенно.

Вещи разграблены, разбитые сундуки распотрошены, и все перевернуто вверх дном.

– Стара я уже для такого, моя королева, – прокряхтела Гвел.

Она выпрямилась и ударила посохом о землю. Ее губы задвигались, но с губ так и не сорвалось звука, который мог бы разобрать простой человек. Гвел говорила на языке, доступном лишь немногим отважившимся погрузиться в глубины магических тайнств.

Через мгновение балки в дилижансе задрожали, гарь с них начала осыпаться, а развороченные колеса – склеиваться обратно. С земли поднимались лоскуты тканевого навеса, вновь собираясь в единое полотно. Раскуроченные сундуки с радостью воссоединялись с потерянными частями, а осколки стекла со звоном взлетали в воздух, чтобы слиться в склянки и даже пару ваз.

– И кто тут у нас?

Гвел поднялась по скрипучей лесенке и, отодвинув портьеру, вошла в уютное помещение. Видимо, кочевники шли долго – может, около года, перебираясь из одной части материка в другую. Успели обзавестись достаточным количеством добра, чтобы привлечь внимание еретиков, прикрывающих грабеж своей убогой верой.

На полу в луже засохшей крови лежала некогда красивая женщина. Только такую и может охранять огненный фейри, заслонивший собой вход. Теперь хотя бы понятно, откуда повсюду следы гари и почему тлеют угли наспех сооруженных баррикад.

Разметались жгуче-черные волосы, под неестественным углом изогнулись конечности, а дешевое, но красивое платье больше походило на бедняцкую половую тряпку.

– Деточка-деточка, – покачала головой Гвел, с трудом усаживаясь на радостно подскочившую табуретку. Та перебежала из одного конца помещения в другой, вовремя приняв на себя вес жрицы. – Разве мать тебе в детстве не говорила, что пойдешь с фейри – обратно уже не вернешься.

Жрица краем посоха откинула лохмотья с живота некогда неописуемо красивой кочевницы. Этого не могли скрыть ни порезы, ни множественные синяки, разорванные губы и прочие мерзости, от которых у любой женщины начинает дрожать сердце. Видимо, фейри не справился со своей задачей. Кто-то из еретиков проник в дилижанс, а потом и в саму несчастную...

Гвел не понимала, как может вызывать возбуждение беременная на последних месяцах. Пусть даже она была столь очаровательна. Этот надутый живот, больше похожий на бурдюк с водой, вызывал отвращение.

– Что же с тобой сделали, – выдохнула жрица.

Внутренним взором она видела яркую искру внутри обтянутого кожей холма. Мать была уже несколько часов как мертва, но ребенок жил в утробе вопреки законам природы и, видимо, против воли богов.

– Плохая у тебя судьба, дите. – Гвел вытащила из складок одежды кривой кинжал. – Во всяком случае, у твоего предшественника, рожденного мертвой, жизнь как-то не задалась.

Лезвие скользнуло по животу, легко вспарывая кожу. Кровь лениво потянулась на пол, заливая доски и капая на и без того багряную землю. Гвел, даже не сморщившись, засунула руки в разрез и вытащила на свет младенца. Маленького, сморщенного, больше похожего на гумункула из пробирки, нежели на богоугодное существо.

Разрезав пуповину, Гвел стащила с головы платок и укутала дите. Ее густые серебряные волосы упали на плечи, открывая выжженный когда-то знак на лбу. Знак рабыни.

– Сдох, что ли? – протянула жрица.

Мальчик не кричал, и Гвел уже собиралась бросить его и уйти, как заметила тонкую дорожку слез на щеках. Дите дышало и плакало от неизвестной боли, но не кричало.

– Не находишь забавным, что первое чувство новорожденного – боль? – спросила Гвел, поднимаясь и выходя из дилижанса. Посох, будто оживший, скакал за ней, пока жрица твердо шагала, держа на руках младенца. – Мир сразу предупреждает – я поганое и опасное место, но такие вот молодцы никогда не слушают.

Жрица в очередной раз перешагнула через молодого воина в рассеченной кольчуге. Стальные кольца впились в грудь, а к обнаженным ребрам уже присматривалось скопившееся на ветках воронье. Совсем скоро они спустятся на кровавый пир, пока же их останавливало присутствие жрицы и приближающийся топот копыт.

Видимо, кто-то, заметив дым над пролеском, позвал патруль и тот спустился с тракта. Надо отдать должное, служивые в Срединном царстве работали на совесть.

– Ну и чего тебе, личинка человека? – процедила Гвел, заметив, как дите тянет ручки, ну или пытается это сделать.

Как выяснилось, жрица остановилась непосредственно рядом с телом высокого фейри. Черные глаза нелюдя остекленели, а из тела сочилась мерцающая алая кровь. Поганое отродье из древних легенд. Большая часть людей даже не верит в их существование. Впрочем, люди вообще мало во что верят, что не мешает им разбивать лбы о мраморные плиты храмов.

– И чего ты так...

Старуха не успела договорить. В глазах ребенка она прочитала судьбу не только новорожденного, но и всего мира. Дите сверкало разноцветными радужками. Одна – темно-каряя, почти черная, другая – ярко-голубая, почти синяя.

– Полукровка, – прошипела Гвел и чуть было не разжала руки от омерзения. – Ну, королева, ну, спасибо – наградила на старости лет.

Младенец еще тянулся руками, как жрица, скривившись, взмахнула полой плаща. Посох, замерший за спиной, подлетел к хозяйке, и троица растворилась в черной дымке, разогнанной ветром.

Когда на место бойни прискакал отряд всадников во главе с рыцарем, то все, что они нашли, – караван кочевников, уничтоженный обезумевшим фейри.

299-й год эры Пьяного Монаха, где-то на границе Срединного царства

– Эш, бестолковая твоя голова!

Мальчик сидел в сенях столь маленького дома, что тот больше походил на слишком большой сарай. Пепельные волосы ребенка были собраны в тугий хвост, подвязанный кожаным ремешком.

Гвел кричала что-то еще, но Эш ее не слышал. Поглаживая пальцами воздух, красивый мальчик с разноцветными глазами смотрел на то, как величественно по небу плывут облака. Почему-то ему казалось, что белые гиганты пытаются с ним поговорить. Что-то рассказать или даже посоветовать. Глупости, конечно, ведь облака не разговаривают.

– Эш, плод демонской похоти, я тебя выдеру!

В отличие от Гвел. Она говорить умела, хоть Эш иногда и желал, чтобы она разучилась. Впрочем, желать – немного не подходящее для него слово. Он, скорее, предпочел бы, чтобы она замолчала. Быть может, один из кухонных ножей в ее горле утихомирил бы крикливую старуху?

Мальчик поднялся и вошел в помещение, пропахшее травами и старостью. Гвел покачивалась на стуле, полуслепо глядя на котел, висевший над подобием камина. За эти годы женщина постарела настолько, что даже не могла подняться с места и до постели Эш тащил ее на себе. Кстати, кровать в доме была только одна (как и комната), так что ребенок предпочитал спать на улице.

– Мерзкое отродье, – шипела старуха, – надо было оставить тебя в чреве той потаскухи, что додумалась лечь под нелюдя.

– Да, хозяйка, – кивнул Эш.

Он не понимал смысла слов Гвел, но предпочитал не вызывать ее недовольства. Впрочем, он не понимал и что такое недовольство. Как и «довольство» или «зависть», «грусть», «радость», «гнев», «желание», «мечта». Старуха говорила, что это потому, что он смотрит на мир взглядом феяри, а не человека.

Мол – сам Эш вроде как человек, но дух в нем разделен напополам. И пока две половинки не найдут гармонию, он так и будет ходить по свету ожившей скульптурой. Одним словом – несла полную тарбарщину.

– Кинь в котел землестой, – прокряхтела Гвел.

– Да, хозяйка.

Мальчик подошел к столу, привстал на цыпочки и сорвал с бечевки пучок травы. Отделив несколько травинок, он закинул их в бурлящее варево цвета непереварившегося обеда.

– И твоей мамаше стоило выпить отвар, – от гнилых зубов старухи пахло еще хуже, чем от котла, но Эш стойко терпел. – Один глоточек – и старая Гвел избавлена от необходимости доживать свой век в лесу.

– Да, хозяйка.

– Да что ты заладил?! Да, хоз... – Гвел закашлялась, и мальчик тут же протянул ей плошку с водой. Она всегда стояла рядом на случай, если запершит в горле. – Спасибо, выкормыш бездны.

Старая, морщинистая рука взерошила волосы мальчику. Знай Эш, в чем разница между «хорошим» и «плохим», он бы назвал Гвел «хорошей», но сквернословкой. Она часто грозилась его высечь, задушить, заморить голодом, утопить или сжечь, но ни разу не подняла руки. А в голодные зимы, когда обитатели дома питались лишь шишками да корешками, все норвила отдать ребенку свою порцию.

– Ну, опарыш разноцветный, что видел в лесу?

Этот вопрос Гвел задавала каждый день – «что видел в лесу, что слышал в лесу, с кем беседовал». Будто ждала, что с мальчиком заговорит какое-нибудь дерево или порхающие туда-сюда птицы.

– Деревья, траву, листья, птиц и облака.

– А еще?

Эш задумался, и его осенило.

– Там белочка пробежала!

Гвел пару раз моргнула и зашлась скрипучим, въедливым смехом, пока вновь не закашлялась.

– Белочка у него пробежала, раздери тебя кастрированный демон, – прокряхтела она, хлюпая водой в чарке. – Глаза феери, а слеп, как старый крот.

– Да, хозяйка.

– Как же я научу тебя говорить, если ты слушать не умеешь? – продолжила старуха. – Скоро, уже совсем скоро минет два по четыре года, а ты ни одного Слова не знаешь.

– Я умею разговаривать, – констатировал Эш, помешивая отвар длинной деревянной ложкой.

Завтра на рассвете из деревни придет молодая девушка за порцией зелья. Гвел говорила, что оно избавляет от бурдюка в животе. Если говорить проще – убивает плод во чреве. Пусть Эш и не понимал «эмоций», но дураком не был и в сказочки наставницы давно не верил.

– Ты умеешь мямлить, как неразумное животное, но не говорить.

– Да, хозяйка.

Если что и выучил Эш, так это то, что спорить с Гвел бесполезно. Неизвестно, сколько прожила старуха, но на каждое сказанное мальчиком слово она находила с десятков своих.

– Клянусь королевой, еще раз ты скажешь «да, хозяйка» – я утоплю тебя в нужнике!

– Да, хоз...

Эш натолкнулся на взгляд полуслепых глаз и проглотил остаток фразы.

– Вот и умница, – кивнула старуха, поглаживая старый посох. – И почему Слова так сложно тебе даются? Ведь, демонов мне в постель, терны в тебе хватит на нескольких человек!

– Терна? – переспросил Эш. – И я все же знаю слова! Ведь разговариваю с тобой как-то.

Гвел некоторое время молчала, а потом медленно, разделяя речь паузами, спросила:

– Я ведь рассказывала тебе про терну, магию и почему наш мир безымянный?

– А он безымянный?

Старуха выругалась так крепко, что запах от варева стал исходить еще более мерзостный, чем был до того.

– Ну надо же, – кряхтела Гвел, – семь лет жду, когда ты услышишь, а ты не знаешь, что слушать.

Эш, обладай он чувствами простых людей, принял бы обиженный вид, но он не знал, что такое обида. Просто стоял и ждал, когда старуха продолжит говорить. И в какой-то момент, после очередного приступа сквернословия и еще одной чарки воды, она таки продолжила:

– Никто не знает, откуда взялась сила, но однажды, пару эр назад, люди стали равны нелюдям. Не все, конечно, а только некоторые, обуздавшие эту силу и давшие ей название «терна». С тех самых пор терниты – властители терны, обучают и обучаются искусству владеть своим даром. Нет воина сильнее, чем воин-тернит, нет алхимика мудрее, чем алхимик-тернит. Нет мага искуснее, чем маг-тернит. Так было много тысяч лет назад, пока властители силы не вытеснили обычных людей. И больше уже не было раздел...

Гвел закашлялась, и Эш, не дожидаясь отмашки, сбегал на улицу, где в бочке скопилась дождевая вода. Ожидая долгий разговор, мальчик набрал полный кувшин и, принеся его на кухню, налил чарку. Старуха жадно выпила холодную воду и, утерев губы морщинистой рукой, продолжила:

– В общем, терниты вытеснили эрнитов – простых людей. Максимум, что может себе позволить эрнит – надеть кольчугу и быть убитым на войне. Остальные «должности», если позволишь, заняли терниты. Убийцы, ведьмаки, маги, паладины, некроманты, чародеи, волшебники, волхвы, малефики, охотники, снайперы. Словно саранча, они заволокли Тринадцать Королевств.

Эш внимательно слушал, но пока плохо понимал, о чем речь.

– В какой-то момент тернитов развелось так много, что от их раздутого эго в городах стало тесно. И тогда короли, а спасибо нашим богам, все короли – эрниты, постановили, что тернит должен служить на благо человечества. Ну, спасибо, что не отрядили в услужение нелюдям... Так что слоняются терниты по миру, выполняя различные поручения. А кто не хочет, тот становится еретиком, и уже на него ведут охоту. Вот так и живем, мелкий ты уродец.

– Но при чем здесь слова? – спросил Эш, машинально помешивающий варево.

– Да при всем! – гаркнула старуха и вновь закашлялась. – В тебе, Эш, этой терны – как воды в озере, до дна не вычерпать.

– Что-то я не чувствую ее, – пожал плечами мальчик.

– Потому что чувствовать не умеешь. Не знаешь что... Но об этом позже. Дай лучше расскажу про Слова. У всех, даже самых маленьких народов, есть свой язык. И возьми ты любой простой камень, в мире найдется тысяча слов, его определяющих, но все они – ложные. Ведь у тебя, Эш, одно имя. Не самое лучшее, – ребенок не стал напоминать, что так его назвала сама Гвел, – но и не худшее. Так же и у камня есть свое Имя.

– И какое оно?

Губы старухи зашевелились, но мальчик так ничего и не услышал.

– Не слышишь, – не спрашивала, а утверждала Гвел. – И не услышишь, пока не прислушаешься... Так вот. И так же, как и у камня, у всего в мире есть свое Имя. Настоящее, если хочешь – истинное. На этом языке говорили боги, когда создавали наш мир. И знание этого языка, знание Имени дает власть над ним. Потому никто и не ведает Имени нашего мира – ибо боги боятся той власти, что оно таит в себе. Так что на этом языке должен научиться говорить и ты, если хочешь постичь суть магии.

– А почему обязательно магии? – словно возмутился Эш.

– Ну, извини, но на другого ты не тянешь. Щуплый больно, кость у тебя тонкая, да и не вырастешь ты особо. Так что тебе путь один – посох в руки и знание в голову.

Мальчик вновь пожал плечами. Ему, опять же, было все равно.

– Постой, – а вот Гвел возмутилась неподдельно, – так ты что, не видел, как я колдую?

– А ты колдовала?

Старуха сначала замерла, потом смеялась, а потом очень долго хаяла свою «королевну», которая решила сыграть «вслепую».

– Видно, срок подходит, – внезапно поникла Гвел, – видно, скоро шестеренки завертятся, раз все так повернулось. Ладно, выкормыш помойной ямы, смотри.

Старуха провела пальцами по посоху и что-то произнесла. Спустя мгновение кухня ожила. Ножи выскочили из ящичков и принялись лихо нарезать траву, стебли и особые корешки. Ложка вырвалась из руки и начала самостоятельно помешивать зелье. Скатерть на столе вдруг взмыла в воздух и вытряхнула в окно крошки, огонь в камине затанцевал с удвоенной силой, а кресло теперь покачивалось чуточку медленнее.

– Смотри-ка, не забыла еще, – довольно прошептала Гвел, прикрыв глаза.

– Это и есть слова?

– Они самые, – кивнула наставница. – А теперь иди на улицу и к вечеру узнай хоть одно Слово.

Два дня спустя

Эш проводил на улице все свое свободное время, коего у него было немало, но так и не постиг ни одного Слова. Гвел не уставала подкалывать его по этому поводу, иногда одаряя особо мерзкими обзывательствами.

Мальчик же испытывал то, что больше всего подходит под «раздражение». Он чувствовал, как все вокруг пытается заговорить с ним. Как в шелесте крон звучат таинственные смешки, в шуршании травы – веселые рассказы, в скрипе деревьев – мудрые поучения, а в практически беззвучном беге облаков – рассказы о далеких странах.

Эш, растворяясь в этих звуках, почти дотягивался до сути Слова, но стоило ему хоть немного сосредоточиться, как все обрывалось. Шелест вновь был простым шелестом, скрип больше не наставлял и не поучал, а облака действительно бежали беззвучно.

– Эй, олицетворение человеческого порока!

Эш отряхнул штаны и вернулся на кухню. Гвел, как и всегда, качалась в кресле-качалке, неотрывно глядя на каминное пламя. Может, она видела в нем совсем не то, что Эш? Во всяком случае, в треске поленьев наверняка слышала что-то особое. Впервые в жизни мальчик-полукровка ощутил нечто похожее на «желание». Он более чем «предпочел» бы научиться понимать этот странный язык.

– Да, хозяйка.

– Я тебе уже говорила, что погублю, если еще раз так скажешь?

– Так это было позавчера, – парировал Эш.

– Позавчера, – повторила Гвел, – а за зельем молодуха так и не зашла...

Ее и без того мутный взгляд помутнел еще сильнее, становясь совсем уж слепым.

– Вот, возьми, – она указала на свой посох. – Он, пока может, будет верно служить тебе.

А сейчас приготовься.

– К чему?

– К тому, что тебя начнут молотить жернова судьбы, как бы пошло это ни звучало, – старуха хмыкнула и взяла в руки нож. – Королева сделала первый ход, и игра началась. Ты уж не сердчай за то, что я с тобой так обходилась. По-другому не умею.

– Да я и не обижен.

– Знаю, – кивнула Гвел. – Плохо, что не обижен. Как без обиды радостным-то стать? Ты уж, мальчик, – последнее слово далось ей особенно сложно, видимо, хотела выругаться, – постарайся все же найти себя. Старая Гвел была бы рада знать, что вырастила не монстра, а волшебника.

Эш что-то почувствовал. Запах железа, привкус меди и далекое карканье голодного воронья. В действительности ничего этого не было, но ощущение не покидало мальчика с посохом в руках.

– Почувствовал? – спросила старуха. – Вижу, что почувствовал. Значит, недаром распиналась. Ну, прощай, демонское исчадие, раздери тебя безгрудая суккуба, поимей тебя распоследний бродяга, чтоб отсохло твое мужское естество и сгнило нелюдское сердце.

Зеленые зубы сверкнули в подобии улыбки, и в дом ворвался молодой мужчина лет двадцати пяти. Деревенский крестьянин с острой рогатиной наперевес. В серых глазах мерцала пелена ярости, а натруженные руки сжимали самодельное древко с приделанным к нему перекованным лезвием косы.

– Ведьма! – крестьянин разве что слюной не брызгал. – Это ты мое дитя извести хотела!

– Не я хотела, а жена твоя, – засмеялась Гвел, – не твое оно потому что!

– Убью!

Эш не мог ничего поделаться. Он лишь стоял и смотрел, как наставница произносит Слово и оживают ножи, взлетая в воздух. Вот только приказ жрица так и не отдала. Крестьянин перемахнул через кухню и вонзил рогатину в спину старухи, протыкая насквозь черствое сердце, не успевшее размякнуть за проведенные восемь лет в лесу.

Упал черный платок, разметались серебряные волосы, и в свете пламени сверкнуло клеймо рабыни. Нет хозяйки более непреклонной и немилостивой к своим слугам, нежели судьба – королева самих богов.

– Тварь, – сплюнул убийца, вытаскивая лезвие.

Со звоном упали ножи, а Эш все так же стоял и смотрел на умершую старуху. Наверное, он должен был испытать хоть что-нибудь – укол пониже сердца или давящий комок в горле, но мальчику было все равно. Он не различал жизнь и смерть.

– А ты, видать, ее гомункул, – процедил крестьянин. Перехватив рогатину, он пошел прямо на Эша. – Староста отвалит мне нехилую сумму, если я принесу ему голову искусственного ублюдка.

На самопальном лезвии танцевали отсветы пламени, а полукровка чувствовал, как горло сжимает вовсе не ком, а холодные пальцы. Смерть уже была готова забрать его с собой.

Эш выставил перед собой посох, собираясь защищаться. Он все так же не видел разницу между жизнью и смертью, но не собирался отпрапляться к богам. Он еще не выучил ни одного Слова, а значит, не исполнил приказа наставницы.

Мальчик не мог себе позволить не исполнить приказа – так его вырастили. И это была единственная эмоция, которую он понимал, – приказ.

– Разноцветные глаза, – процедил крестьянин, усмехнувшись жалким потугам защититься. – Проклятый уродец.

Странно, но из уст убийцы это действительно прозвучало как ругательство. Все же есть разница, когда говорят без злобы и когда за набором звуков таится желание убить.

Эш смотрел на языки пламени, ухмыляющиеся с лезвия, и чувствовал, как его конечности наполняет жар. Как бурлит варево, стонущее под ласками каминного пламени. Как быстрее стучит сердце, заполняющееся огненным безумием. И в миг, когда Эш уже почти сгорел в этом огне, он услышал Слово.

Оно не было похоже ни на что в этом мире. Ни на один слышимый звук, ни на какой-либо язык, на котором говорят смертные и бессмертные. Потому как в этом Слове заключалась вся безграничная суть огня, его смертельный жар и дарящее жизнь тепло. Его ярость, готовая пожрать бескрайний лес, и его кроткость, смиренно согревающая путника в холодную ночь.

Огонь поглотил Эша, наполнил его до краев, а потом схлынул через уста вместе со Словом.

Заживо горящий крестьянин кричал так громко, что испуганные птицы слетели с веток и понеслись по небу. Они рассказывали всем желающим о рождении юного волшебника, познавшего Имя огня. И некоторые, кто умел слушать птиц, понимали, что в безымянном мире задул ветер перемен.

Глава 2 Убегай от Пепла

322-й год эры Пьяного Монаха, Срединное царство

Ярко светил Ирмарил – звезда, освещавшая безымянную планету. Под светом этой звезды, порой нежным и ласковым, а иногда яростным и беспощадным, жили миллионы. Кто-то – в городах, обнесенных высокими стенами, другие – в деревнях, поселках, хуторах; иные уютным постелям и родным стенам предпочитали пыль дорог и дешевые таверны, в которых редкий матрас не служил пристанищем выводку клопов. Были и такие, что жили в пещерах, землянках, замках, дворцах, хижинах у озера, в самих озерах, в небе, в жерле вулкана, на дне океана, в лесах, в бутонах цветов, на кончике хвойной иголки или даже в ветре, но о них позже.

Но ветер перемен пригнал полукровку именно сюда – в Срединное царство. О, это великое королевство, где правил мудрый Газранган со своей женой Элассией. Под их властью находились земли от Розового моря и до лесов Армунда. А это без малого четыре города, полсотни поселков, сотня-другая деревень, ну а хуторов и вовсе не счесть.

И в этом самом королевстве, на севере, у подножия гор Мазурмана, находилось поле, усеянное цветами. Их здесь росло бесчисленное множество. Озерки лютиков, пруды нарциссов, холмы роз и реки тюльпанов. Птицы, пролетая над этим великолепием, порой застывали, рискуя камнем упасть на разноцветное покрывало.

В центре же, недалеко от пруда, где весело плескалась разнообразная рыба, стоял маленький дом. Он был настолько миниатюрен, что его впору называть слишком большим сараем. Внутри, кроме горницы, совмещенной с кухней, находилась лишь одна комната, где просыпался хозяин «дома».

Ростом чуть выше среднего, но редкая женщина устояла бы перед чарами этого мужчины. У него были прекрасные, идеальные черты лица и тело, словно вылепленное самими богами. Во всяком случае, природа точно не могла создать подобное совершенство. Впрочем, это не мешало отшельнику просыпаться в полном одиночестве.

Продрав разноцветные глаза, первым делом мужчина нашарил на тумбе две линзы. Одна – с карим оттенком, другая – с голубым. Призадумавшись, мужчина, хотя вернее будет сказать – парень лет двадцати трех, выбрал голубую. Сегодня ему хотелось смотреть на мир глазами цвета моря, а не гляделками цвета удобрений для цветов.

Потянувшись, парень поднялся и, некультурно почесавшись, шмыгнул носом. Не задумываясь, он натянул дешевые заплатанные штаны, напялил сандалии, сделанные из конопли и дерева, накинул холщовую рубаху с тесемками на груди и взял в руки посох. Пока это лишь непримечательный ростовой посох. Без узоров, без орнамента, без каких-либо украшений. Самый обычный посох... с виду.

– Будем завтракать, – зевнул парень и ударил своим верным другом по полу.

По стенам дома пошла рябь, задрожали окна, где вместо слюды или стекла красовались обычные доски; заскрипела деревянная посуда. Вдруг зажглась печка, весело затрещав поленьями, запахнулись шкафы и по воздуху поплыла утварь. На столе вздрогнул простецкий нож, мгновением позже начав лихорадочно нарезать салат, который до этого буквально дошел до места своего упокоения. Кухня, находившаяся все в паре футов от спальни, словно ожила.

Сама собой в чайнике (на самом деле – в перекованном солдатском котелке с крышкой) закипела вода, в кружку спланировали листья чая, на хлебнице показались ломти пышного ароматного хлеба, на которые резво намазывалось масло. Без ножа – само.

На поверку красивый парень, пусть не самого большого ума, но зато немаленького сердца (дамы говорят, что не только его) оказался волшебником. Самым настоящим! Не тем фокусником, грабящим народ на дешевых представлениях, а всамделишным волшебником. Конечно, он не умел превращать железо в золото и не знал секрета вечной молодости, но все же был волшебником.

Усевшись на подбежавшую табуретку, парень, потеряв руки, принялся за трапезу. В это время вокруг его пепельных волос сама собой обматывалась черная бандана, отчего-то напоминавшая женский платок.

Аппетитно хрустя корочкой хлеба и жуя чуть-чуть подгоревшую яичницу (волшебник погрозил пальцем смутившейся сковородке), он размышлял о вечном. А именно – что пора бы ему пойти на базар и продать цветы, а то кушать будет попросту нечего, потому как это «нечего» будет банально не на что купить.

Доев свой завтрак, парень поднялся и вновь стукнул посохом о пол. В тот же миг посуда закружилась, завертелась и стала нырять в бочку с водой. Ожившее полотенце принялось ее вытирать, а сушилка нежно принимала утварь в свои жестяные объятия. Ну или из чего она там сделана.

Дверь перед парнем открылась сама собой, а петли скрипнули так, что могло показаться, будто они пропели «Хорошего дня!». Как только парень оказался за порогом, домик замерцал, словно был не деревянным, крепко сбитым строением, а утренним туманом, а потом исчез. На его месте красовалась небольшая поляна зеленой травы.

Маскировка, конечно, так себе, но кто в здравом уме появится у подножия Мазурманских гор? Там в пещерах и скалах нет ни дворфов с их вечными ярмарками и дешевыми металлами; ни монстров, на которых так любят охотиться терниты; ни друу, хмурых, молчаливых эльфов с выступающими клыками и кожей цвета мокрого камня.

Кем же был волшебник, бережно собирающий в специальный мешок заботливо выращенные цветы? О, это большой вопрос, на который только предстоит найти ответ. Все думали, что он обычный тернит, но сам он знал, что не является человеком. Собственно, фейри он тоже не являлся, что породило закономерный вопрос. Впрочем, парень одно знал точно: его звали.

– Эш! – пропищали где-то у сандалии.

Он нагнулся и увидел Мавери – цветочную фею. Она была такой крохотной, что могла бы уместиться на кончике чайной ложки. Хотя, по ее же словам, ей вполне комфортно жилось в бутоне тюльпана. Как и многим другим цветочным феям.

– О, – улыбнулся парень. Он сел на корточки и протянул мизинец. На него тут же, комично дернув крылышками, вспорхнула фея. Неловко плюхнувшись на пятую точку, она отряхнула платьице, сшитое из нитей лепестков. Таких тонких, что их мог раздавить слишком тяжелый взгляд, и таких ценных, что иные алхимики готовы за одну нить давать один золотой. Впрочем, волшебнику было плевать, что он держит в своих руках целое состояние. – Милая Мавери, я тебя разбудил?

– Ты всех будишь. Топаешь здесь – у нас дома трясутся.

Удивительно, но писк вдруг перерос в обычный голос. Хотя, наверно, это все же как-то связано с тем, что парень поднес посох к уху.

– Прости, все забываю, что вы спите до полудня.

– Фе, – фыркнула фея. Ее народ, который многие считали выдумками подвыпивших жителей и бреднями заплутавших тернитов, просыпался, лишь когда распускались бутоны цветов. А распускались те обычно в полдень. – Ты куда идешь?

– На ярмарку в деревню – продам несколько букетов.

– А возьми меня с собой!

Эш улыбнулся. Пару раз в неделю Мавери просила взять ее с собой в очередное путешествие, но парень всегда отказывался. Не то чтобы его сильно беспокоил тот факт, что Мавери

выросла цветочной принцессой, дочерью королевы фей... Просто приключения волшебника бывали зачастую рискованными мероприятиями – смертельно рискованными, и он не хотел подвергать маленького друга такой большой опасности.

– И зачем ты мне нужна, малявка?

– Я не малявка! – воскликнула фея и топнула ножкой. Эш даже не почувствовал этого, хоть фея была одета в туфли с высоким каблучком и топталась непосредственно на мизинце. – Я большая, взрослая фея! Мне уже можно путешествовать!

– Да-да, конечно, – кивал парень. – Особенно предварительно потерявшись у меня в мешке.

Мавери мигом смолкла и потупила взгляд, когда ей напомнили о том инциденте, когда весь народ фей искал ее в мешке волшебника.

– Я тебе самые лучшие букеты соберу, – нашлась принцесса. – Каждая девушка будет рада купить их у тебя!

Эш не стал заострять внимание на том, что обычно очередь из этих самых девушек тянется к его лавке аж от ворот деревни. Это еще учитывая, что от них до базарной площади есть несколько поворотов и горок.

– Это, бесспорно, хорошее предложение, – волшебник сделал вид, что задумался. – Но вдруг ты влюбишься в какого-нибудь красавца и тот увезет тебя за горизонт? Он пройдет сто испытаний во славу твоего имени, повергнет злую ведьму и избавит тебя от маленького роста. И будете вы жить долго и счастливо и нарожаете кучу детей...

По мере рассказа щечки феи наливались румянцем, веки опускались все ниже, а крылышки в возбуждении начали хлопать все быстрее – принцесса даже взлетела.

– А потом твоя мама, узнав об этом, превратит меня в кролика и скормит серому волку. Мавери плюхнулась на задницу, поняв, что над ней снова подшучивают.

– Ну и не бери! – Девушка, вопреки всем законам приличных принцесс, показала язык волшебнику, а потом пнула ближайший бутон. Тюльпан раскрылся, явив миру небольшой мешочек из мерцающей на солнце ткани. – Оберон попросил тебе передать. Сказал, что пригодится.

– Передай ему спа...

Договорить Эш не успел, так как его собеседница уже скрылась где-то в цветочных зарослях. Парень покачал головой и убрал посох от уха. По его мнению, королева слишком редко порола Мавери: пори она ее чаще – и волшебнику не пришлось бы каждый раз выдумывать новые шутки, чтобы отвадить непоседу от путешествий.

Подняв мешочек, Эш заглянул внутрь. Присвистнув, он по-воровски огляделся, словно кто-то мог за ним подсматривать, и убрал посылку за пазуху. Целый мешочек пыльцы фей – это вам не жалкое подобие магических зелий, которые пудами кочуют от рынка к рынку, от торгошника к торгошнику. Вот закончится у волшебника сила этого самого волшебства, и как ее восполнить?

Либо погрузившись в длительную, порой многочасовую медитацию, либо воспользоваться допингом. Зельем, кристаллом, молитвой жреца (если таковой есть под рукой), отваром каким-нибудь, грибом или мясом волшебного создания. Но среди всего этого разнообразия возвышается пыльца фей. Говорят, что один ее комочек размером с пшеничное зернышко способен восстановить силы опытного мага.

Надежно спрятав суму с семью комочками, Эш стал складывать цветы в большущий мешок. Он был настолько огромным, что казалось невозможным тащить его в одиночку. Впрочем, волшебник знал одну хитрость – он просто произнес Слово, и мешок по его просьбе стал легче. На такой элементарный трюк способны даже маги-новички.

На поясе парня висел и другой мешок, небольшой походный, но многие великие мира сего были готовы отдать свою руку за право заглянуть туда и душу – за то, чтобы забрать. Все

они почему-то думали, что в мешке у Эша (правда, они знали его под другим именем) хранятся несметные сокровища этого мира.

Собрав достаточно цветов, чтобы заработать хотя бы пару серебряных монет, которых хватит на ближайший месяц или два, парень разогнулся и, приложив ко рту большой и указательный палец, свистнул. В тот же миг в центре появился дом, а из распахнувшейся двери вылетел серый плащ. Он подлетел к волшебнику и сам лег ему на плечи.

– И когда я перестану тебя забывать? – недовольно пробурчал Эш, который, если честно, частенько что-то забывал. И не только свой походный плащ, бывший при этом единственным.

Это некогда был серый кусок материи, теперь ставший разноцветным – так много на нем красовалось заплаток.

Перехватив мешок поудобнее, красивый молодой мужчина пошел к дороге. До нее ему нужно было идти пять дней. Потом, если не удастся найти попутчика, то еще около полумесяца до деревни. Волшебнику приходилось жить в самой глуши, ведь он не хотел, чтобы все армии континента заявили к нему домой в попытке отрубить его же голову. Не то чтобы Эш боялся армий, но ведь цветы потопчут!

Уходя, парень еще не знал, что вернется домой очень нескоро, что в этот самый день, когда где-то в мире открылась таверна со странным названием D. H., началось его, Эша, большое приключение.

Две недели спустя, деревня Два Силка, Срединное царство

На базарной площади сегодня было удивительно многолюдно. При этом здесь, среди хуторян, приехавших за самым необходимым, среди жителей окрестных деревень и проезжавших мимо тернитов находилось огромное количество девушек самых разных возрастов. От тех, кому еще не скоро встречать первую весну в качестве женщин, до тех, кто совсем недавно надел на голову обручальный ободок. Последним к вечеру, скорее всего, достанется от мужей, но сей факт их мало волновал.

В центре водоворота из представительниц прекрасной половины человечества (последнего нелюдя в этих землях видели лет двадцать назад) стоял молодой парень ростом немного выше среднего.

– Подходи, выбирай – цветы покупай! Цветок за четверток, три – за пяток, букет – всего медяк! Бартер не предлагать, в долг не даю, не целуюсь, замуж не беру!

На прилавке перед парнем лежали самые прекрасные цветы, которые только можно найти под светом Ирмарила. Они, пусть и сорванные, были словно живыми, будто вот-вот, буквально только что росли на лугах и холмах. С них разве что утренняя роса не капала, а в бутонах не жили феи.

Хотя какие, к демонам, феи. Старая горшечница Дюрбава, торгующая по соседству от юноши, в такие глупости не верила. Это вон дети малые или терниты все охотятся за феями – каждый цветок выдернут и проверят, а старая, битая жизнью горшечница в подобные бредни не верила. Как не верила она и в дворфов, эльфов, русалок, духов, демонов и многое другое, успешно существующее под светом звезды.

Во что же тогда верила сварливая бабка? А в то, что сын суккубши (кем еще может быть этот хлыщ?) явно отбирает у бедной старушки лишнюю четвертинку медяка. Вон девки вокруг него так и вьются, а парни, посматривая на это «цветочное» великолепие, тоже встают в очередь, чтобы познакомиться с тем или иным «цветочком».

Одно радует – волшебник сюда редко заглядывает, пару раз в год, не чаще. Но после его ухода все девки на вечерних посиделках только о нем и говорят. Да и бабы замужние порой позволяют себе непотребные помыслы.

– Беспутницы, – сплюнула бабка, сидя в одиночестве подперев голову рукой. – Боги вас покарают.

В тот же самый миг на улице послышались крики, медленно переходящие в стоны. Страшные стоны. Уж старая горшечница могла отличить их от сладострастных – немало в своей жизни она подобных послушала, да и чего греха таить – сама издала. Нет, в тех столах не было ни сладострастия, ни шуток, ни юного смеха, только страх и ужас.

Вмиг на площади повисла гнетущая кладбищенская тишина, а потом началась паника. Все забегали, кто-то падал спотыкаясь, народ кричал и что-то вопил. Начал было звонить колокол в храме, но мигом оборвался – видимо, звонаря тактично прирезали.

Не орали и не кричали только двое – красивый юноша, лениво подсчитывающий деньги в миске, словно не замечающий панику и суету, и горшечница. Дюрбаву сковал страх. Она на своем веку уже наслушалась этих колоколов, которые внезапно затихали, на мгновение оглушая резким звоном. Наслушалась и подобных криков и далекого, словно приглушенного лязганья, с каждым ударом сердца все приближающегося и усиливающегося.

И словно олицетворяя самые страшные ужасы из жизни горшечницы, на площади появилась группа из семи людей. Двое с посохами и в балахонах, один с огромным щитом и мечом, другие кто с чем. Кто-то с саблями, кто-то с кинжалами, один и вовсе с мушкетом и луком.

– Всем стоять! – рявкнул тот, что с кинжалами. С них на землю падала кровь, а на том, что покороче, красовался какой-то красный шарик. Присмотревшись, Дюрбава чуть не потеряла

сознание, и потеряла бы, если не животный ужас, сжавший ее сердце. На кинжал было нанизано чье-то глазное яблоко.

– Красноречив ты, Эрик, – хмыкнул высокий магик в балахоне, у него на поясе висела связка каких-то черепов и костей. – Меня аж пробрало.

– Вообще без спору, – кивнул обладатель мушкета. – Запугал несчастных.

Бандиты захохотали над собственными шуточками.

– Так! – гаркнул некто Эрик. – Мы банда «Ночные коты». Кто не сдаст деньги и ценное имущество на благо неимущих... нас, с теми будем поступать так.

Кинжальщик вдруг развернулся на пятках, в воздухе мелькнула серебряная вспышка, а мгновением позже на землю упала молодая девка. Ее левый глаз пронзила длинная металлическая игла. Она насквозь пробила голову и вгрызлась в деревянную стену лавки кожевника. Из глазницы фонтаном била кровь, а в воздухе витал смрадный запах.

Где-то заплакал ребенок.

– Ба-бах! – треснуло небо.

Раздался материнский вскрик в тот миг, когда голова маленького мальчика взорвалась, словно испорченный, подгнивший арбуз.

– Дух молчания! – Магик провел пальцами по черепам, и мать, бежавшая к убийцам, свалилась на колени. Она выпучила глаза, в хрипе открыла рот и стала до крови царапать горло, на котором проявлялись отпечатки двух рук – вот только рук никаких и не было. Только могильный холод и дрожание воздуха – на мать напал призрак. Среди напавших стоял некромант.

По площади летел испуганный шепот, казалось – солнечное небо покрылось мглой. Каждый дрожал от страха, и только красивый юноша продолжал спокойно считать монеты.

– Не люблю спиногрызов, – скривился убийца, засыпая какие-то черные гранулы в свой мушкет.

– Ну спасибо, Двач, – скривился держатель щита. – Теперь за нас награду еще на пару серебрух поднимут.

– Да все равно завтра в Кавельхольм отправляемся, – пожал плечами второй магик, беспристрастно лицезревшей бойню. – Там стражи деньги любят не меньше нашего.

И это было верно. Весь континент знал, что стражник Кавельхольма за достойную плату даже свою жену под чужого подложит.

– В общем, – продолжал Эрик, лениво покачивая кинжалом, сидя прямо на трупе убитой женщины, – все вы убедились в серьезности наших намерений, так что складываем добро в мешок и не твякаем.

Среди лавочников и покупателей пошли двое магов, тащивших тяжеленные с виду мешки. Но сведущие в волшебных искусствах люди знали, что те облегчены Словом. Правда, судя по ромам магов, сил у них имелось не так много и Слова были не столь действенными.

А народ, подобно покорным овцам, скидывал с себя все, что имело хоть какую-то ценность.

В мешок летели четвертаки медяков, редкий целостный медяк, какие-то дешевые украшения, но разбойникам все казалось мало. Они начали сдергивать с невест серебряные обручи, щедро раздавая пинки направо и налево. Порой стервятники потешались над каким-нибудь бедолагой, а тот вопил от ужаса, когда некромант призывал приведения. Из безголового ребенка и его матери бандиты сделали зомби, чтобы те тащили мешки. Щитоносец нашел это умной идеей, похвалив своего приятеля за находчивость.

В воздухе висела паника. Она саваном накрыла площадь деревни, и лишь один человек сохранял спокойствие. Красивый парень, досчитав монеты, собирал в мешок товар. Удивительно, но внутри торбы оказались маленькие ремешочки и кармашки – каждый под свой сорт цветов.

– Эй ты! – рявкнул щитоносец.

Повисла тишина, нарушаемая редким испуганным всхлипом. Красавец оглянулся за спину, посмотрел по сторонам, а потом ткнул себя в грудь.

– Я? – удивился он.

– Да, ты! Тебе особое приглашение нужно или думаешь, что особенный?

Парень замер, наверное, тоже испугался. Старая горшечница уже видела такое – кровь к голове прильет, и словно выпадаешь из реальности, все кажется дурным сном. А как отхлынет, так тут уж страх сердечко-то и сожмет.

– А, – вдруг улыбнулся парень и протянул воину, закованному в латную броню, букет из нарциссов, ромашек и вереска. – Вот, всего два четвертака за букет.

Разбойники застыли, а потом дружно засмеялись. Один только щитonosец покраснел лицом и наотмашь ударил по протянутой руке. Латная перчатка должна была переломить запястье, но ничего не произошло. Складывалось такое впечатление, что парень и вовсе не протягивал букет, так как он уже успел его разделить и начать фасовать по кармашкам.

Латник удивленно переводил взгляд с кулака на пустое место перед собой.

– Слышь, убогий, траву себе можешь оставить, – сквозь смех продалил Эрик. – Монеты только на благотворительность сдай.

Юноша задумался, а потом, наивно улыбнувшись, почесал макушку и пожал плечами:

– Никак не могу. Иначе кушать не на что будет. А кушать всем хочется.

– Юродивый, что ли, – протянул Двач. – Эй, Гоби, забери у него кошель и все.

Латник кивнул, скрипнув кожаным подшлемником, и протянул руку, поманив при этом пальцами. Слово просил что-то у торговца. Юноша, вопреки инстинкту самосохранения и законам логики, продолжал складывать цветы.

Гоби, подождав немного, разъярился и ринулся вперед, намереваясь схватить дурачка за грудки, но того не оказалась на месте. Между торговцем и разбойником, несмотря на все ухищрения последнего, сохранялась прежняя дистанция. Щитonosец проморгался и уставился на собственные руки.

– Хей! – воскликнул некромант. Разбойники тут же обнажили свое оружие и стали озираться по сторонам. Видимо, это был сигнал готовности. – Торгаш-то из наших – тернит.

Разбойники переглянулись и заухмылялись, а юноша, сложив цветы, стал завязывать тесемки мешка.

– Так чего мы тогда церемонимся? – С этими словами Гоби вскинул свой тяжелый меч, неожиданно сверкнувший золотым сиянием, и опустил его прямо на шею терниту.

Правда, как и в прошлый раз, шеи там не оказалось, только мешок. Торбе не повезло, и вскоре ветер уже разносил по деревне высыпающиеся цветы. Они танцевали на ветру, немного покачиваясь в такт потокам небесной стихии. Подобная красота казалась чем-то чуждым на пиру стервятников.

– Цветочки, – расстроено протянул Странник. Он сидел на заборе в паре футов от места, где его пытались обезглавить. Качая головой и что-то бубня, торговец загибал пальцы на руке. Закончив, он кивнул и снова улыбнулся. – Господа нехорошие, вы мне должны цельный серебряник.

Гоби, красный лицом от переполнявшей его ярости, развел руки в стороны и закричал так громко, что у многих из ушей потекла кровь. Теперь любой, даже захоти он, не смог бы пошевелить и пальцем. Каждый, до кого докатилось эхо рыка, оцепенел, потеряв власть над собственным телом. Эрниты оказались во власти силы большей, чем могли выдержать их души.

Вновь в воздухе сверкнула серебряная молния, а парень, комично размахивая руками, упал с забора. Он, потирая ушибленный лоб, поднялся с места, а потом сплюнул. На землю упала стальная игла, выпущенная Эриком. Никто не мог поверить своим глазам – цветочник поймал ее зубами.

– Злые вы, – бурчал паренек. – Железками кидаетесь...

– Ба-бах! – из мушкета повалил дым.

Юноша упал на спину и раскинул руки в стороны.

– Что за дурак, – процедил некромант и уже потянулся к своим черепам, чтобы создать очередного зомби, но тут произошло неожиданное.

Пристреленный парень закричал, а потом рывком взлетел в воздух и мягко приземлился на ноги. С него слетела развязавшаяся бандана, позволяя пепельного цвета волосам упасть на плечи. По виску цветочника бежала струйка алой крови. Капли, срываясь с прекрасного лица, падали на траву, маленькими брызгами разлетаясь в стороны.

– Снайперский выстрел, да? – задумчиво произнес цветочник. – А вы, господа, еретики, значит...

– Да кто ты такой?! – воскликнул Эрик.

– Я? – снова удивился странный лавочник. – Я безобидный торговец цветами. Приятно познакомиться!

В этот самый момент из левого глаза цветочника выпала синяя пленочка и каждый мог свободно рассмотреть разноцветные радужки парня. Левый – темно-карий, почти черный, а правый – ярко-голубой, почти синий.

– Убью! – прорычал латник.

С невозможной скоростью, туманом размазываясь в пространстве, он рванул на парня. Тот стоял неподвижно, опершись на посох. Он словно с жалостью взирал на разбойников.

В небо ударил фонтан крови, уши прорезал отчаянный смертный стон, и на землю упало тело. По песку побежали кровавые змейки. Никто не мог поверить своим глазам – парень даже не двинулся с места, а латник упал в такой позе, что не оставалось сомнения в том, что он порезал свое горло своим же мечом.

– Гоби! – крикнул Двач, но было уже поздно – дух покинул тело щитоносца.

В мире безымянного приключения был закон, соблюдаемый всеми – даже самыми отъявленными мерзавцами. Закон этот весьма прост: смерть забрала – смерть не отдаст.

– Пепельные волосы... – вдруг промычал второй магик, сделав пару шагов назад.

– Разноцветные глаза... – прохрипел стрелок, чей мушкет выпал из внезапно задрожавших рук.

Разбойники вдруг застыли, а юноша, продолжая глупо улыбаться, приветственно размахивал рукой.

– П-п-пепел! – панически прокричал Эрик.

– Эх, – протянул парень. – Мне не очень нравится, когда меня так называют.

Если раньше над деревней висела паника, то теперь повисла полная апатия. Такое бывает, когда видишь перед собой ангела смерти и знаешь, что будет дальше. Под светом Ирмарила не было ни единого разумного, кто не знал бы имени «Пепел».

«Демон в человеческом облики», «Маньяк, питающийся плотью детей и пьющий кровь стариков», «Палач городов», «Огненный дух», «Черная тень, стоящая у вас за спиной», – вот как называли в детских страшилках это воплощение ужаса и смерти. Самый разыскиваемый преступник по всех королевствах континента. Человек, убивший тысячи, уничтоживший четыре города, сжегший десяток замков, стерший с лица земли почти сотню деревень.

Человек, занимавший первую строчку в листе охотников за головами, за чье тело, живое или мертвое (желательно – мертвое), назначена небывалая награда в сорок семь тысяч золотых. Этих денег хватило бы, чтобы купить герцогство с замком на пять тысяч человек, двадцатью поселками и почти полусотней деревень. Да и то осталось бы столько, что можно было бы жить безбедно всю оставшуюся жизнь.

– Вот, держи! – Предводитель банды сорвал с пояса кошель и кинул под ноги демону. То же самое сделали и его дружки. Со звоном монеты катились куда-то под откос, а Пепел, чье лицо застыло бесстрастной маской, потеряв свое детское радушие, даже не смотрел в сторону

серебра и одной золотой монеты. – Все забирай! Хочешь – амуницию забирай, зелья, свитки, оружие, все забирай!

С этими словами разбойники, стоя на коленях, скидывали с себя доспехи, мешки, какие-то деревянные тубусы, заполненные пергаментными листами, кидали на песок фиалы и склянки, бросали оружие и боялись поднять взгляд.

– А как же повеселиться... – оскалился волшебник. – Первая форма: воплощение.

Никто и вздрогнуть не успел, как Эрик уже превратился в кучу хлама со стеклянными глазами. В его груди зияла дыра диаметром в четыре дюйма. В воздухе повис смрадный запах горелой плоти. Над телом возвышался Пепел – на конце его посоха сверкал плотный шар, словно сотканный из огня. Он был таким ярким, что смотреть на него оказалось практически невозможно.

Первым очнулся некромант, он провел пальцами по костяному ожерелью и истошно завопил:

– Дух смерти!

Мигом воздух задрожал от замогильного смеха, а вокруг самого «дорогого» преступника закружился сонм призраков. Они отличались от того, что магик призвал в первый раз. Эти были похожи на настоящих людей, разве что созданных из плотного тумана и жутких на вид. Лица их – гнилые черепа, руки – потрескавшиеся желтые кости, а вместо глаз горело зеленое пламя. Некромант побледнел и начал заваливаться на бок – он потратил все силы на воплощение своего самого сильного оружия.

Его жертва не прошла даром. Стрелок, натянув тетиву лука, что-то прошептал, и стрела полыхнула красным. Запела тетива, щелкнуло дерево, и среди призраков закружился снаряд, способный пробить шкуру гавельского бизона. А шкуру этой твари порой не пробьет и пушечное ядро – кости и внутренности сомнет, но шкуру не порвет.

– Слабовато.

Именно с этими словами Пепел перевернул посох и вонзил огненный шар в землю. Раздался взрыв, а от волшебника расходились оранжевые волны. Мигом все вокруг охватило пламя – горели палатки, прахом обернулись духи, исчезла красная стрела, крутившаяся в воздухе точильным буром, спичками вспыхивали дома, с ужасными воплями сгорали разбойники, и каплями стекал расплавленный колокол на вершине храма.

Когда огненная буря стихла, то от деревни осталось лишь одно пепелище. Из-под груды этого самого пепла выбирались люди. Их огонь почему-то не тронул. Погибло лишь семь разбойников, ну и все дома и прочие деревянные постройки, что стояли вокруг. Уцелел только благословенный каменный храм. Впрочем, и на нем красовались выразительные глубокие трещины.

Лицо волшебника, подчиняющего огонь, сбросило беспристрастную маску, вновь становясь немного детским. Эш застенчиво улыбнулся и почесал макушку:

– Опять перестарался, – неловко произнес он.

В этот самый миг на его глаз сама собой легла линза, а чудом уцелевшая бандана прикрыла волосы. Парень угрюмо вздохнул и, погрозив пальцем посоху, нагнулся и протянул руку своей соседке – старой горшечнице.

– А-а-а-а! – завопила та, и парень вздрогнул. – Демон, демон! – кричала торговка. – Спасите, помогите! Демон!

На миг в глазах парня промелькнула грусть, но потом он снова улыбнулся и, сказав:

– Простите за деревушку, – выпрямился и пошел к воротам.

Впрочем, поскольку от ворот не осталось ровным счетом ничего, то волшебник попросту побрел прямо. Ему нужно было уйти как можно дальше от этого места. Совсем скоро здесь будет не протолкнуться от государевых людей, искателей приключений, охотников за головами и боевых групп крупнейших гильдий – объединившихся под одним знаменем тернитов.

Сорок семь тысяч золотом – это желанный приз для любого, будь то эрнит или тернит. И самых опытных и сильных рубак не смущал даже тот факт, что на счету Пепла было тысяча сто тридцать... теперь уже девять разумных, три с половиной города, одиннадцать замков и девяносто восемь деревень. Точнее – девяносто девять деревень, но кто их считает.

Три дня спустя, Мистритский тракт

Вейн Пахнущий отдал последний приказ и приложил к глазу старую подзорную трубу, линзы которой местами потрескались, превращая изображение в отражение на разбитом зеркале. Но Вейн ни за что бы не продал или обменял, а еще хуже – выкинул эту трубу. Ее однажды, когда еще занимался грабежом в Семи Морях, он украл у Рейки – самого известного пирата на всей планете.

И сейчас бывший пират, а ныне глава разбойной шайки, внимательно и неотрывно следил за караваном, движущимся по главному тракту Срединного царства. Никто в здравом уме не рискнул бы напасть на дорогу, охрана которой славится на всю дюжину близлежащих царств. И именно поэтому Вейн Пахнущий решил пойти на столь отчаянные меры.

В безымянном мире было много валют, начиная от волшебных побрякушек и заканчивая банальным золотом, но самым ценным оставалось одно – твое собственное имя. Если ты смог прославиться, то для тебя открыты многие двери, надежно сокрытые от серых и никчемных обывателей.

– Шеф, – шепнул на ухо ищейка. Один из новичков – сгодится для пушечного мяса. – Все готово. Время ожидания – не больше пяти минут.

Главарь шайки кивнул и поднял вверх ладонь. Охотники тут же окунули свои заговоренные стрелы в баночки с ядом, а стрелки стали засыпать в мушкеты порох. Сам Вейн, будучи опытным убийцей, предпочитал действовать по старинке – пара кинжалов и несколько отравленных дротиков куда лучше новомодного однозарядного пистолета.

Впрочем, подобные убеждения не мешали ассасину носить за поясом несколько огнестрельных приспособлений, а в сумке – пару осколочных бомб. Хотя на что-то могут сгодиться гномы, в отличие от их воинственных родичей дворфов.

Вскоре из-за поворота показался караван. Четыре дилижанса, крытых белыми покрывами, десяток-другой пеших и конных путешественников, торговец, а также охрана. Не больше дюжины солдат в не самой лучшей, но и не дрянной экипировке, пара стрелков на козлах и один магик, идущий в авангарде.

– Шеф, – снова шепнул ищейка. – Жреца нет, мои проверили. Из магов только ведьмак и друид.

«Плохо», – подумал Вейн.

Видимо, тот, что в зеленом балахоне, спокойно шел впереди всей колонны и был друидом. С этими ребятами довольно легко справиться... в случае если рядом нет леса. Однажды в лесу Марда Вейн столкнулся с друидом. Тогда только чудо и внезапная удача помогли отряду из семи умелых воинов одолеть одного хилого мага. Конечно, от леса до дороги метров десять, но ситуацию это облегчит ненамного.

Что же до ведьмака, то по этому поводу главарь не переживал. За свою не самую короткую жизнь он встречал сотни ведьмаков, но ни один из них не был достаточно умел, чтобы противостоять простому фехтовальщику с ржавой рапирой. Только пальцы враспырку, а толку никакого. Ведьмаки лишь в балладах менестрелей, но где встретишь того же Урга Беззубого, победителя демона Фехема, в такой глуши. Нет, здесь только слюнявые терниты, лишь недавно выпустившиеся из школ.

– Передай стрелкам – целиться только в друида, охотникам – бить по площади. Ведьмака я беру на себя.

Вейн не хотел рисковать. Если последователь меча и магии все же окажется не пальцем деланный, то из всей шайки ему сможет противостоять только главарь.

– По сигналу.

Ищейка мигом исчез, растворившись в листве. Главарь сплюнул. Он не любил этих крыс, никогда не берущихся за оружие. Их нанимают для разведки, в целях координации, передачи сигналов и команд, а также шпионской работы – в вопросах скорости и скрытности им нет равных. Другое дело, что в драке их уделает даже фермер или плотник из числа жалких эрнитов.

Вейн достал иглы – по четыре в каждую руку. Зажатые между пальцами, они напоминали внезапно выросшие когти на мозолистом кулаке. Каждая смазана мерзким ядом, парализующим легкие. Смерть от удушья – не самый приятный финал.

– Пошли!

Главарь, приподнявшись на корточки, свистнул соловьем. В тот же миг раздался глухой треск, а потом грохот, отдавшийся в ногах дрожанием земли. Путь каравану перекрыли деревья. Поднимая облака пыли, скрывающие пролесок, они свалились в арьергарде и в авангарде. Друид успел остановиться, а вот тем, кто шел позади, повезло не так сильно. Двоих конных лучников зашибло насмерть, сминая их кости, смешивая конскую плоть с человеческой. И несчастные вместо достойной панихиды услышали лишь испуганное ржание умирающих лошадей.

Вейн помчался вперед. Шаг его был легкий, а движения стремительны. Неопытный тернит увидел перед собой лишь тень, летящую над шуршавшей травой, а потом солдат упал. Копье выпало из его рук, раздиравших собственное горло, глаза выпучились, рискуя вылететь из орбит, рот покрылся пеной. Защитник, нанятый за две серебрушки, рухнул на колени, а меньше чем через удар сердца с диким хохотом ему снесли голову серпом.

Главарь банды не оборачивался, он знал, что его напарник, обладатель двух выразительных серпов, пусть и безумный садист, но дело свое знает. Из ладони убийцы вырвалось еще семь игл, но только две вонзились в не защищенную доспехом плоть, остальные с гулким стуком впились в древесину дилижансов.

Путешественники закричали, кто-то попытался обнажить меч, но его быстро успокаивали стрела или клинок. Проблемой оставался друид. Он, прошептав заклятье, начал раскручивать посох. Вейн знал, чем это может закончиться.

Пули – маленькие металлические шарики, пущенные стрелками, встретили на пути преграду из терновых зарослей, выросших из-под земли. В тот же миг из наколдованных растений проросли длинные шипы.

– Воздух! – прокричал Вейн.

Полсотни разбойников подняли маленькие щитки – выпущенные с невообразимой скоростью терновые шипы на миг закрыли небо, превратив день в ночь, а потом ливнем обрушились на людей. Слышались крики и смешки. Первые издавали те, кому не посчастливилось заполучить лишнюю дырку в теле, вторые вырывались из глоток невольных зрителей. Среди головорезов и воров вы не найдете братской солидарности, чужая боль для них – лишь повод позабавиться.

Вейн по опыту знал, что после столь сильного заклинания друиду потребуется несколько секунд на восстановление, во время которых он не сможет творить свою волшебную магию. Именно поэтому главарь шайки даже не удивился, когда в лесу прозвучал одинокий выстрел. Один из стрелков сохранил свой патрон, потратив его лишь сейчас.

Пуля прошла сквозь тернии, и друид даже не успел вскрикнуть, когда металлический шарик прямо у него перед лицом разделился на десяток поменьше. На землю падало изрешеченное тело – посох, издавая глухое эхо, покатился под откос.

– Ату! – крикнул Вейн.

– Ату! – радостно отозвалась банда.

Закипела схватка. У стражи не имелось ни шанса. Подняв меч, они тут же падали замертво, среди них не было никого, кто мог бы сражаться один против трех, а то и четырех нападающих. Слышались крики, на тело падали брызги чужой крови, предсмертные стоны

приятно щекотали нервы, но Вейн не позволял себе отдалиться во власть сладостной мясорубки. Ему нужно было найти ведьмака, единственного, кто может в одиночку остановить их натиск.

– Ведьмак! – заорал Вейн, вонзая кинжал в прорезь чьего-то шлема. Убийца не обратил внимания ни на крик, полный боли, ни на дуновение смерти, обласкавшее обветренную кожу. – Где же ты, герой?!

Рухнул последний страж и в этот самый момент между дилижансов показался высокий мужчина. Он стоял, скрестив руки на груди, его фигура была сокрыта плащом с изорванным подолом, голова накрыта капюшоном, превратившим лицо в темное пятно, могучие руки стянуты кожаными ремешками, за спиной висел длинный бастард.

– Скажи мне, как тебя зовут, падаль, – спокойно произнес последователь меча и магии. – Скажи, чтобы я знал, чье имя добавить в свой список.

– Вейн Пахнущий, – хмыкнул разбойник, жестом приказывая шайке остановиться.

Разбойники встали полукругом, произвольно создавая сцену. Вот только вместо занавеса на ней трепыхались изорванные покровы дилижансов, а вместо оркестра – стоны умирающих и тех, кого уже добивали, попутно обирая, шаря по карманам и стягивая сапоги.

– Я слышал о тебе, – кивнул ведьмак. Он развернулся, лениво обнажая клинок, сверкнувший серебром на солнце. – Кажется, ты пират с Семи Морей. Что же привело тебя в центр материка?

– Ветер перемен, – оскалился Вейн.

– Что ж, тогда, боюсь, твоя шхуна только что села на мель.

Знак веоря!

Раздался звучный хлопок, и никто так ничего и не заметил, как ведьмак уже оказался за спиной Вейна. Скорость была такова, что тот попросту исчез в одном месте и появился уже в другом, за доли мгновения преодолев расстояние в десяток футов.

– А ты силен, – прозвучал хрип.

Спустя меньше чем через удар сердца ведьмак рухнул на колени, а потом, сверкая остекленевшими глазами, повалился в побагровевшую от крови пыль. В горле тернита торчала рукоять кинжала.

– Очередной позер, – презрительно сплюнул бывший пират.

– Босс, – рядом, словно из ниоткуда, будто вывалившись из складки реальности, возник ищейка. – А что делать с этими?

Пахнущий повернулся в сторону пленных путников. Среди них были и эрниты, и терниты, впрочем, их практически невозможно отличить.

– Убить, – пожал плечами Вейн.

– Нет!

– Стойте!

– Умоляю, пощад...

Но пощады не было. На всю операцию отводилось не более десяти минут, и не было времени возиться с пленными. Да и к тому же после такой резни за голову Вейна поднимут награду, а нет для разбойника большего почета, чем крупная премия за поимку – это словно признание, безоговорочный вердикт уважения.

– Мы уже приехали? – протянули сбоку.

В тот же самый миг в сторону, откуда донеслись звуки речи, были выпущены несколько отравленных игл. Главарь, обернувшись, не мог поверить свои глазами – все его дротики угодили в посох странного человека. Он был чуть выше среднего роста, но небывало смазлив, а волосы стягивала черная бандана.

Со стороны могло показаться, что дротики лишь по случайности попали в подставленный посох, но Вейн не верил в случайности и совпадения. Кто-то из банды уже занес клинок, но был остановлен властным жестом главаря.

– Кто ты? – спросил он у странного парня.

– Я? – переспросил обладатель простого, даже бедняцкого посоха, из которого сейчас с показным трудом выковыривались отравленные иглы. – Я безобидный торговец цветами. Приятно познакомиться!

Прошла минута тишины, нарушаемая только свистом ветра и пытением паренька, вытягивавшего из древесины полоски металла, а потом банда взорвалась смехом. Многие, выронив оружие, согнулись пополам, держась за соседа или за животы. Один только Вейн сохранял спокойствие.

– А где же твои цветы? – спросил он, кладя руку на рукоять оставшегося у него кинжала. Даже с одним клинком Пахнущий оставался опытным убийцей и мог справиться со многими.

Парень огляделся, а потом развел руками:

– Обокрали меня уже, не оставили товара.

– Чего ж ты тогда в караване делаешь?

– Так в Мистрит я иду. Вы бы отпустили меня, а? Я бедный торговец цветами, которого каждый желает пнуть. Чего об меня столь достойным людям клинки-то марать? Да вас ведь потом засмеют! Каждый будет тыкать пальцем и кричать – смотрите, это тот слабак, заваливший цветочника Эша!

Вейн молчал, нервно поглаживая кинжал, чего не скажешь о других.

– Ну что за debil! – смеялись они, хлопая друг друга по плечам и спине.

– А откуда, говоришь, идешь?

– Да так, – пожал плечами парень. – Отовсюду.

– Шеф, – снова возник ищейка. – Трофеи собраны, свидетелей не осталось, ваш герб оставили на ящиках и дилижансах. Надо уходить, пока рыцари с заставы не приехали – друид точно успел подать сигнал.

– Надо кончать, – кровожадно оскалился обладатель двух выразительных серпов, сверкавших на солнце коркой застывшей крови.

Но Вейн не спешил отдавать команду, а никто не рисковал лезть поперек слова главаря. Подобный финт будет считаться попыткой пошатнуть авторитет, а с такими рисковыми ребятами у Пахнущего разговор был короткий – кинжал в глаз, а тело псам.

– Ну так что? – На миг из парня выветрилась вся дурость и лицо стало опасно-беспристрастной маской. Вейн рефлекторно принял защитную стойку, хватаясь за кинжал. – Отпустите или развлекаться будем?

Бывший пират прожил столь долгую разбойную жизнь, каждый раз уходя из засад и капканов, расставленных государевыми людьми, лишь по одной простой причине – он знал, когда нужно отступить. И сейчас, глядя на дурачка, который только что на миг обернулся безумным зверем, Вейн ощущал, как нервно подрагивают его пальцы, тянущиеся к рукояти пистолета. Нет, что-то ему подсказывало, что сейчас он не должен сражаться с этим цветочником.

– Проваливай, – процедил бывший пират.

Разбойники, застыв, с прищуром поглядывали на спину своего шефа. По их мнению, он сейчас дал слабину. Об этих настроениях знал и сам Вейн, но что-то ему подсказывало, что выжить при бунте будет проще, чем в схватке с этим нищим.

– Мы еще встретимся! – гаркнул Пахнущий в спину удаляющемуся дурачку.

Тот, не оборачиваясь, помахал рукой, а потом перепрыгнул через поваленное дерево и исчез из виду. Послышались недовольные шепотки, но тут же раздался хрип – компаньон Вейна упал с рассеченной глоткой. Он дергался, дрыгался, будто поджаривающийся таракан, нелепо пытаясь остановить фонтан крови, бьющий из глотки. Вскоре обладатель двух серпов затих, лишь изредка дрожа в посмертной судороге.

– Кто еще хочет мне что-то сказать, крысы?! – прорычал Вейн. – Быстро за дело, если не хотите, чтобы я засунул ваши трепливые языки вам же в задницы!

Приструенная банда ринулась... ну, куда-то она, в общем, ринулась, но скорее просто разбежалась по «позициям», стараясь не навлечь на себя гнев главаря. А сам Вейн Пахнущий все пытался унять дрожь в руках, подобную той, что возникает у существа, только что избежавшего цепких когтей смерти.

«Простой цветочник, да?» – подумал Вейн, гадая, что же за монстра он повстречал на обычно спокойном и тихом Мистритском тракте.

Видно, и правда – задул неожиданный ветер перемен.

Неделю спустя – 26-й день месяца тамир, 322 год эры Пьяного Монаха, Срединное царство, Мистрит

Ох, чудный град Мистрит, столица Срединного царства – рай для любого, будь то тернит или эрнит. Ах, эти улочки, пахнувшие по утрам вовсе не конским навозом и помоями, как в иных столицах, а духами, пряным кофе или чаем, привезенным с далекого востока. А дома... их надо видеть! Каждый как на подбор украшен, облицован, с резными ставнями на стеклянных окнах. Люди... Какие в Мистрите люди... Нигде больше не встретить столь радушных, отзывчивых и добрых людей.

Мистрит – одно это слово заставляет путешественников мечтательно прикрывать веки.

Какие здесь праздники – всегда полны музыки, танца, терпкого вина и безудержной радости. А храмы, боги, что здесь за храмы! Бывают такие, что, задрвав голову, увидишь лишь далекий отблеск золотого купола, а есть и такие, которые больше напоминают придорожный ящик.

А театр? Кто не бывал в театре Мистрита, тот не знает, что такое представление настоящих актеров в зале, битком набитым самыми уважаемыми и самыми знатными людьми, среди которых частенько сидят король с его прекрасной королевой.

И раз уж речь зашла о правящей чете, то было бы неуважением не сказать пару слов о них. Король – мудрый муж Газранган, в чьей бороде лишь недавно появились седые волоски. Нрава он строгого, но справедливого. За королевством своим следил, как заботливый фермер за грядками. Войн не любил, но отпор дать мог, хоть за всю его пятнадцатилетнюю историю правления и случился лишь один вооруженный конфликт с восточным соседом. После этого уже никто не хотел попробовать Срединное царство на крепость щита и меча.

И жена его – Элассия, дочь короля Эдмона из союзного королевства Дабина. Красоты она была небывалой. Каждый художник, лишь раз увидев ее, уже не мог писать иного портрета, кроме как лика Элассии. Миледи, хоть ей уже давно перевалило за тридцать, все еще сохраняла какую-то девичью черточку, заставляющую послов падать ниц и с преклонением целовать протянутую руку.

Впрочем, сколь бы ни был прекрасен этот величественный город, речь все же пойдет не совсем о нем.

На краю, у самой стены, стояла таверна, славившаяся тем, что в ней обычно останавливались различные искатели приключений, наемники и прочий сброд.

Этим вечером, под светом самой яркой звезды на ночном небосклоне – Миристалль – в таверне «Ржавый тесак» было довольно шумно. Звучали тосты, слышались пьяный гогот, крики, женский томный смех и разговоры постояльцев. Впрочем, если честно, здесь всегда было так и постояльцам еще повезло, что они не застали знаменитых кулачных потасовок «Тесака», разнимать которые отпирлялась без малого гвардия.

Но этим вечером среди всеобщего веселья и кутежа за одним из столов на первом этаже (самом дешевом из трех; всего в таверне их было пять, но последние два отошли под комнаты) собралась странная компания. Трое мужчин и две девушки. Одна – совсем юная, может, лет семнадцать или восемнадцать, это довольно мало, учитывая, что терну обычно обнаруживают годам к двенадцати.

Парни были колоритные. Самый высокий и плечистый приставил к стулу тяжелый осадный мушкет, а также ростовой роговой лук. С виду, чтобы натянуть эту тетиву, понадобилось бы усилие как минимум трех кузнецов.

Второй роста примерно такого же, но из-за узких плеч казался ниже и субтильнее, что не мешало ему приглядывать за двумя мечами. Редкое дело – обоерукий мечник. Впрочем, редкое, когда видишь умелого или хотя бы опытного «парного» мечника. Позеров же хватает. Но что-то подсказывало, что этот тип далеко не позер.

Последний из парней был коренастым, даже маленьким, но таким широким, что казалось, будто он и вовсе квадратный. Судя по тому, что он придерживал тяжеленный щит и булаву, то в огромном мешке, лежавшем неподалеку, находился его полный доспех.

Леди же оказались довольно милovidные. Та, что постарше, повесила на спинку стула ножны с длинной, узкой саблей. Ее волнистые волосы были собраны в тугий пучок, а на руках и открытых плечах сверкали шрамы, обычно не присущие столь стройным и фигуристым красоткам. Глубокие темные глаза сверкали смешинкой, но в то же время цепко оглядывали любого, кто случайно подходил слишком близко к столу.

Младшая девушка на фоне своих спутников казалась одуванчиком, случайно проросшим под кустом шиповника. Она все время прятала взгляд в стол, неловко теребила пышные каштановые кудри, шмыгала курносом носиком и нервно поглаживала посох, больше похожий на жезл.

Компанию почти не замечали, и скажи кто-нибудь, что это одна из самых известных групп приключенцев, про которых спета не одна песня, никто бы и не поверил. Но так оно и было. В углу таверны сидели знаменитые «Бродячие пни», известные тем, что выполнили несколько особо опасных миссий, выданных самим королем. А это немалая честь и куда большая ответственность.

– А-а-а-а! – рявкнул мечник и стукнул чаркой о стол. – Ну сколько можно?! Месяц сидим в «Тесаке»! Другие наверняка уже добрались до леса или даже топей! А мы еще и не выдвинулись!

– Не ворчи, – пожал плечами коренастый мужик. – Мери знает, что делает... Правда ведь, Мери?

– А вдруг не знаю? – по-кошачьи сверкнула глазами леди со шрамами.

– Тогда мы в полной жо...

Договорить щитовик не успел, так как лучник заткнул ему рот булочкой. Причем его движения были так быстры, что могло показаться, будто булочка сама залетела в рот «защитнику» отряда.

– Не при детях, – пояснил свои действия он, намекая на юного мага.

– Да она в детстве и не такого наслушалась, – заметил стрелок.

На него тут же посмотрели с ярым укором. У тернитов было несколько неписаных законов, один из них – никогда не говорить про жизнь до обнаружения терны. Ведь если подумать, это все равно как признаться, что и ты когда-то был обычным человеком.

– Я, между прочим, про школу искусств говорю, а не про то, что вы подумали.

– Ну-ну, – буркнула Мери. – Сам-то помнишь, как в школе учился?

Тут вздрогнул каждый, вспоминая своих наставников.

Все терниты, по распоряжению королей, должны были пойти в школу искусств (правда, были и лазейки), где их посвятили бы в то или иное умение. От стези убийцы, до пути святого паладина. Обучение длилось недолго – преподавались лишь основы, но все равно многие считали этот этап самым трудным.

Конечно, в школы шли не все – многие присоединялись к артелям ремесленников, гильдиям торговцев, поступали на государеву службу, становились вольными торговцами, нанимались на фермы, просто беззаботно жили в городах или предпочитали долю вольных путешественников. Таких было меньше всего, ведь новоявленный тернит зачастую даже не знал, как ножом орудовать, не то что мог постоять за себя в битве с... пусть даже большой лисой. Так что школы быстро набрали популярность, сохраняемую и по сей день.

– Не будем о грустном, – махнул рукой мечник. – Смотрите, еще один идет.

Отряд, бывший по сути одной семьей, синхронно обернулся к идущему к ним магику. Этих было весьма легко идентифицировать – по посоху и балахону. А вот чтобы определить, кто перед вами – волшебник, маг, малефик, зачарователь, волхв, друид, жрец, некромант или

призыватель, нужно знать отличительные черты каждого мага. Этот являлся именно волшебником, о чем говорило отсутствие любых других «черт», кроме пресловутых балахона и посоха. Волшебникам иные атрибуты ни к чему. Да и чего лукавить – в своей заявке, вывешенной на доске объявлений, «Бродячие пни» писали, что им нужен именно волшебник.

– Вы «пни»? – спросил волшебник, подойдя ближе.

Мери фыркнула, подавившись элем. Да – так беспардонно к их отряду еще не обращались. Остальные, как выразился магик – пни, глупо хихикали, пытаясь скрыть свой смех за кашлем. Веселилась даже скромница Алиса.

– Мы, – кивнула фехтовальщица. Как лидеру отряда говорить с соискателем полагалось именно ей. – А ты...

– Хвурд Громоподобный.

Веселье стало нарастать, парень это заметил и немного покраснел. Нельзя было сказать точно – от стеснения или от негодования.

– А прозвище как получил? – Мери позволила себе немного насмешливости в голосе.

– Эм-м-м, – протянул волшебник. – Сам выбрал...

Мечник, сделав вид, что уронил монету, сполз под стол, где немного расслабился и засмеялся громче. Ох уж эти новоявленные «властители терны», спешившие выбрать себе прозвище позвучнее... Все равно подобное второе имя силы не имело. Вот когда обретишь известность, тогда слухи сами тебе прозвище подберут, да такое, каким редкий приключенец может похвалиться. Обычно клички были весьма резкими, бьющими по самому больному.

– Школьник, что ли?

– Нет, выпустился, – с гордостью вытянулся Хвурд. – Вот, кстати, рекомендация от мастера Фехта.

Магик протянул Мери Березке (никогда не просите рассказать, откуда пошло это прозвище: последнего, кто рассказывал эту весьма комичную, но очень пошлую историю, фехтовальщица разрубила на шесть частей) свернутый пергаментный свиток, запечатанный воском.

– Ознакомься, – Мери протянула свиток щитоносцу, который смеялся в свою густую черную бороду. – Итак, мистер Хвурд, вы утверждаете, что осилите путь до Огненных гор?

– Да, – твердо ответил недавний школяр.

– А сколько Слов вы знаете, сэр магик? – прищурилась Мери.

– Двенадцать, – аж надулся парень.

«Значит, не больше семи», – мысленно хихикнула фехтовальщица, прославившаяся тем, что в одиночку одолела отряд демонов. Пусть и низших, но демонов.

– А боевая стезя...

– Молния, – перебил Хвурд.

Глава отряда кивнула – можно было догадаться по прозвищу. Школяры обычно так и обзывают себя – по «таланту». Но как бы то ни было, молния – это мощное оружие в руках умелого волшебника. А уж заполучить такое оружие очень непросто. Мастер в школе не посвящает стезе «от балды», для каждой есть свое испытание. Нередко сопряженное со смертью, потому в безымянном мире так мало тернитов-магиков – слишком сложно, слишком опасно, слишком муторно.

– Тогда давай проведем небольшую проверку.

– Какую? – удивился парень.

– Мне жаль, – покачала головой Мери. – Ты не прошел.

– Поч...

Фехтовальщица просто кивнула за спину Хвурду. Тот обернулся и увидел мечника, державшего вилку на уровне шеи волшебника. Новичок не мог поверить своим глазам. Только мгновение назад этот парень вылез из-под стола, и вот он уже держит его, лучшего ученика с рекомендацией от самого Фехта Мрачного на прицеле.

– Именно с такой скоростью двигаются жабы войны в топах Лурка, – менторским тоном продолжала Мери. – Медленный магик – мертвый магик. А нам нужно волшебство и в землях куда более опасных – ты не подходишь.

Хвурд побагровел, а потом сплюнул.

– Ну и черт с вами. Посмотрю, как вы найдете другого волшебника, который согласился бы пойти до Огненных гор, при этом управляющего молнией и знающего семь Слов!

– Ты же сказал двенадцать! – хихикнула фехтовальщица.

Отряд взорвался смехом, а магик, задержав балахон, будто был графом-вампиром из старых баллад, удалился прочь, попутно бурча себе под нос ругательства. «Пни» продолжали смеяться. Даже Алиса позволила себе заливисто хохотать, вызывая нежные улыбки парней, относившихся к ней как к младшей сестренке.

Мери же думала, что стоит подать заявку в гильдию магиков, чтобы те лишили господина Фехта права на выдачу рекомендаций. А то, кажется, старый колдун немного двинулся и решил за деньги продавать бумажки, открывающие двери во многие элитные отряды. Дело, конечно, прибыльное, но во всем надо знать меру.

– Эх, – вздохнул бородач щитоносец. – Это уже...

– Шестнадцатый за месяц, – скучно покивала Мери.

– Шестнадцатый... – хором протянули ребята.

– А без волшебника совсем никуда? – спросил лучник.

– Слишком опасно, – покачала головой лидер отряда. – Я ходила на консультацию к Морону, тот порылся в свитках... В общем, гиблое это дело, идти до Огненных гор без хорошего волшебника. Без поддержки стихии и Слов мы можем и потерять кого-то по дороге.

– Может, возьмем пару эрнитов на заклятие? – заметил мечник.

А потом тут же похлопал себя по губам, когда на него посмотрели с укором. Для уважающих себя тернитов такое все равно, как если бы парень встал посреди центральной площади и громко, грязно, непотребно выругался. Подобное, конечно, не преступление, но могут и поколотить. Благо Лари Криволапного было довольно сложно поколотить, тот сам кого хочешь мог отмутузить.

– Вот бы нам Зака Туповатого, – мечтательно протянул защитник. – Помните, того, что участвовал в походе на какого-то там дракона.

– Или Проса Воображалу, вот кто явно знает не одну сотню Слов. А не то что эти школяры: «Я выучил за две недели десять Слов, дайте мне шапку придворного архимага!»

– Или Пепла, – заметила Алиса.

Тут же за столом повисла тишина, а некоторые даже схватились за оружие, нервно оглядываясь по сторонам. Была такая присказка: произнесешь вслух прозвище «человекодемона» – и тот непременно явится за тобой. Никто, конечно, не верил, но слушок ходил.

– Ну а что, – пожал плечиками скромница. – Вы же сами сказали – нам нужны Слова. А по легенде на горе Мок Пу Пепла признали мастером тысячи Слов. Да и его сила над стихией всем известна.

– Ты, Алиса, эля не перепила? – с этими словами Мери отобрала у подружки кружку. – Ей больше не наливать. Нагулялась уже.

– А еще, по слухам, он придумал свою – шестую форму управления стихией. И что он небывало красив...

Парни закатили глаза и устало вздохнули. Глава отряда с отяжкой хлопнула себя по лицу открытой ладонью.

– Вообще было бы неплохо, если бы не одно но, – спокойно протянул мечник, а потом рывкнул разве что не в ухо девушке: – Он чертов маньяк!

– К тому же его никто не видел уже почти полгода, – добавил щитоносец. – Так что остается надеяться, что Пепел подох где-нибудь.

– Кхм, – кашлянула Мери. – Я, когда ходила в управу к Мерону, купила «Новостной вестник» и... в общем... как бы это сказать...

– Ну! – протянул отряд.

– Он недели две назад спалил деревню не так далеко отсюда.

– Твою-то м...

Договорить не дала очередная булочка, вовремя заткнувшая рот.

– Плюс ко всему этому буквально неделю назад на тракте Вейн Пахнувший ограбил караван.

– Ты знаешь, – хмыкнул лучник. – Бывший пират с наградой в сто пятьдесят три золотых по сравнению с монстром, за чью голову дают больше сорока пяти тысяч, это как-то не котируется.

– Хохмач, – передернулся мечник. – Березка дело говорит. Сначала Пепел, потом Вейн на самом безопасном тракте. Что-то крутится вокруг.

– Именно поэтому нам надо как можно быстрее выполнить поручение короля, – кивнула Алиса. Снова повисла тишина, а девушка недоуменно переводила взгляд с одного на другого из ошарашенных ребят. – Ну что опять?

– Ты бы, подруга, – шипела фехтовальщица, – еще бы об этом на городском собрании во всеуслышание прокричала.

Алиса немного посидела, а потом приложила ладонь к губам и глуповато улыбнулась.

– Ой, – только и сказала она.

Ребята устало покачали головами. Было понятно, что за Алисой такое не впервой. Но, видимо, девушка обладала иными достоинствами, превалирующими над подобными недостатками.

– Наверно, придется тратиться на наемника, – нехотя процедила Мери.

Наемник – самое паршивое, что можно придумать. Эти любители роскошной жизни и лихой опасности обычно бегут в тот момент, когда начинает пахнуть жареным. Спины нанимателям они предпочитают не прикрывать – своя шкура дороже. Есть, правда, и надежные, но на таких бюджет отряда попросту не рассчитан.

– Не придется.

Сначала Мери подумала, что это сказал кто-то из своих, но потом поняла, что произнесли из-за спины. Девушка, немного шокированная тем, что кто-то сумел зайти к ней за спину, обернулась. Там стоял парень лет двадцати трех. Ростом он был чуть выше среднего, но не бывало красив на лицо. Подобную статью не портили даже простецкая одежда, дешевый посох, вероятно – самодельный, и черная бандана, скрывающая волосы.

Впрочем, чтобы какой-то магик, даже опытный, зашел за спину Березке? Наверно, перепила эля...

– Вы, простите, кто?

– Можно и на ты, – беззаботно улыбнулся парень.

Его губы задвигались, но никто не разобрал ни слова, вернее – ни Слова. Слова с большой буквы были волшебными, они могли подчинять или изменять суть вещей, природы и даже чего-то большего, но понимать их могли только магики. Все дружно глянули на Алису, но та лишь покачала головой – она не знала этого Слова.

А в то время к парню подъехала табуретка, выскользнувшая из-под какого-то бедолаги, который, обливаясь брагой, с криком и оханьем свалился на пятую точку. Парень уселся и, оглядевшись, нагло сцапал чарку, недавно отобранную Березкой у Алисы. Магик, не стесняясь, щедро плеснул себе эля из общего кувшина и схватил булочку.

Отряд смотрел на него как на сумасшедшего.

– Фяфь фней не фел, – прочавкал бедняк.

– Ты кто? – повторилась Мери.

Красавец шумно сглотнул, потом закашлялся, залпом осушил бражку, простучал грудь, поднял палец, словно попросил подождать, и внезапно оглушительно рыгнул.

– Прошу прощения, – ничуть не смутился он. – Меня зовут Эш. Я слышал, вы отправляетесь к Огненным горам.

– Есть такое, – кивнула Мери, пристально вглядываясь в странного человека. – Но нам нужен волшебник.

– Тогда всем нам крупно повезло! – Лицо юноши буквально засветилось детским счастьем. – Я ведь волшебник. Да-да, самый настоящий. Могу даже фокус показать! Хотя нет, фокусы для шарлатанов, а я волшебник.

– И сколько Слов знаешь?

– Хм, – парень задумался, машинально пожеывая очередную булочку. – Пятьдесят где-то, может, чуть больше, может, чуть меньше.

Мери отчего-то поверила ему – действительно знает. Но пятьдесят Слов – это уровень хорошего магика, что никак не вяжется с нарядом. Обычно волшебник всегда старается одеться получше, потому что зачарованные вещи могут усилить его способности. Эти же скорее усиливают лишь одну способность – попрошайничество. Такому нищему бродяжке так и хочется протянуть четвертак от медной.

– Стихия?

– Огонь, – пожал плечами парень. – Предупреждая твой вопрос, Березка, знаю две формы. Воплощение и покров.

– Это очень неплохо, – кивнула Мери. – Даже хорошо. Конечно, далеко не то, что мы искали, но на безрыбье и камень станет окунем. Остается только одно...

Эш видел, как мечник вскинул руку, как схватил лежавший нож для масла и как выбросил ладонь в выпад. Наверно, для многих все это казалось лишь тенью, вспышкой, а кто-то вообще ничего не заметил. Но волшебник, живший на цветочном лугу, все видел отчетливо, будто и не было запредельных (для школяров) скоростей.

Эш мог уклониться, мог легким движением посоха отбить выпад, мог перенаправить руку мечника, и тот бы рассек собственное бедро, мог всего за мгновение сжечь и мечника, и всю таверну, и всех сидевших в ней. Он мог сделать все, что пожелал бы. Но в то же время ему пришлось позволить поразить себя, предварительно произнеся Слово, затупившее нож.

Мери наблюдала за тем, как парень слетел с табуретки и упал на пол, потирая грудь, где уже расплывался темный синяк. Мечник уважительно хмыкнул, ощупывая затупленное лезвие.

– Ты недостаточно быстр, – покачала головой Мери. – Хороший волшебник успел бы отклонить выпад посохом. Впрочем, ты лучше всех, кого мы видели до этого. А в скорости тебя подтянем. Ты принят. Завтра выдадим герб «Бродячих пней». Собственно, поскольку ты знаешь меня, то, думаю, ты знал, к кому просишься.

– Ага, – скривился Эш, которому было не очень приятно. Тут поднялась Алиса и коснулась жезлом юноши. Синяк словно втянулся в кожу, истаяв без следа. Боль ушла. Скромная девушка оказалась жрицей.

– Думаю, надо идти спать. Выдвигаемся в десять утра. Возражения?

– Нет! – грохнул отряд, довольный тем, что они наконец отправятся в путешествие. Впрочем, им придется постараться, чтобы выполнить миссию первыми, ведь король отправил сразу несколько известных групп.

«Меня будут подтягивать... о-бал-деть, – мысленно смеялся волшебник, все еще сидевший на полу. – Что еще мне нужно вытерпеть, чтобы добраться до тебя, лейтенант?»

Впрочем, чтобы понять настоящее, нужно заглянуть в прошлое...

26-й день месяца тамир, 310-й год эры Пьяного Монаха, где-то на границе Срединного царства

По лесу мчался отряд из семи конников. Один из них был тяжело ранен – дорогой черный камзол с правого бока стал вишневым от крови, плащ присох к бедру, по которому алая жидкость стекала, падая на траву. Остальные, так же не бедно одетые, были бледны, словно первый снег. Их явно пугала перспектива попасть в лапы преследователю.

– Он выдержит? – спросил некто с цветастым плюмажем на шляпе.

– Вряд ли, – покачал головой его сосед, скачущий в авангарде. – Рана слишком глубокая, ближайший храм только через десяток миль. Боюсь...

В этот самый момент кони испуганно заржали, некоторые встали на дабы, остальные начали пятиться назад. Всадники пытались успокоить животных, но у них ничего не выходило. Звери явно испугались чего-то или кого-то... Но ведь Монский лес вполне спокоен и здесь нет никаких тварей опаснее волка или медведя. Сюда даже терниты редко заглядывают, полагая, что в лесу нечего ловить.

– Кто вы? – прозвучал спокойный голос.

Казалось, что говорила шепчущая трава, что говорили шелестящие кроны, что говорили скрипящие деревья, что говорил сам ветер, круживший по поляне. Лошади начали ржать отчаяннее, всадники обнажили клинки.

– Покажись! – кричал тот, что с плюмажем, видимо – главный.

– Постойте, герцог, – придержал его руку сосед. – Я слышал, что в Монсе объявилось новое чудо, путающее или помогающее зашедшим в лес. Позвольте мне поговорить с ним.

Герцог, глянув на соседа, все же кивнул.

– Сэр... эм... чудо!

Парламентеру показалось, что он расслышал смех.

– Слушаю тебя, – прошелестел таинственный голос.

– Сэр чудо, я, барон Говельшем, нижайше прошу помочь нам. Наш спутник тяжело ранен и умирает, боюсь, мы не успеем добраться до храма.

Некоторое время висела тишина, нарушаемая стоном раненого.

– И почему я должен помогать вам?

– Да как ты!.. – взревел герцог, впрочем, не решился договорить.

– Разве вы сможете наблюдать за страданиями человека, сэр чудо? – парламентер продолжал умащивать духа.

– Мне плевать на чужие страдания! – резко ответил голос, и деревья угрожающе затрещали, а ветер порывом поднял мелкие камешки. Лошади испуганно заржали, всадники приготовились к битве, но тут все застыло. – Впрочем, если вы мне кое-что отдадите, я вылечу вашего раненого.

– Что же вы хотите, мистер чудо?

– Цветок, торчащий у вас из сумки. Я еще не видел такого цветка. Отдайте мне его, и я вам помогу.

Парламентер взглянул на обычный лютик, недоумевая, что это может стать платой за помощь. Впрочем, не было времени на раздумья. Человек соскочил с лошади, сделал несколько шагов, а потом бережно опустил маленький цветок на землю. Он вернулся к отряду и стал ждать.

Через некоторое время произошло то, чего никак не могли ожидать всадники. Пространство перед ними замерцало, и среди деревьев появился небольшой домик. Он был таким маленьким, что его в пору назвать слишком большим сараем. Цветок же лежал на пороге дома.

Скрипнула дверь, и наружу высунулся парень. Ростом чуть выше среднего, с разноцветными глазами – один карий, другой голубой, короткими волосами пепельного цвета, прекрасными, буквально идеальными чертами лица. На вид ему можно дать лет восемнадцать, не больше.

– Заносите, – произнес он, поднимая цветок.

Всадники переглянулись, но даже герцог не позволил себе обронить ни слова. Все они были простыми людьми и не рисковали перечить магику отшельнику. Слишком много про таких ходило легенд и сказок, и неважно, что на вид он еще юнец – а вдруг облик сменил.

Господа осторожно спустили раненого на связанные плащи и перенесли в дом. Они положили умирающего на стол, причем – кухонный стол, а потом попытались разместиться сами, но в горнице, совмещенной с кухней, всем места не нашлось. Пришлось некоторым выйти.

Магик достал какие-то баночки, заглядывая в некоторые, нюхая, а потом выкидывая, наточил несколько ножей и повернулся к стонавшему.

– Сейчас будет больно. – И в тот же момент он резким движением содрал повязку, открывая рану.

Герцог не выдержал и упер клинок в горло наглецу.

– Жалкое...

– Если не прижму рану, господин истечет кровью, – спокойно произнес отшельник, игнорируя сталь у глотки.

Герцог, что-то процедив, убрал меч в ножны, а юноша тут же приложил к порванному боку тряпку. Затем он откупорил банки, но тут снова влез герцог.

– Что в них? – резко спросил он.

– Не беспокойтесь, – как-то по-детски улыбнулся магик. – Это для меня, а не для него. Видите ли, я не жрец, так что силы не хватит на нужное Слово. А это специальные травы.

Герцог кивнул. В тот же миг парень закинул в рот несколько пучков, ягод и толченых корней, потом запил все это дело водой, сделав большой, шумный глоток. Он убрал полотенце, позволяя крови снова забить ключом. Затем его губы задвигались и – о чудо! – рана начала закрываться. Кровь словно втягивалась обратно в тело, а края – сдвигались. Спустя мгновение пациент задыхал ровнее, а вместо страшной рваной раны осталась лишь незаметная ниточка шрама.

– Ох ты ж! – Побледневший парень, у которого кровь носом пошла, покачнулся и чуть не упал, но его подхватил герцог.

– Спасибо вам, – произнес он. – Вы даже не знаете, что сделали.

– Да вроде как знаю, – бесстрастно отвечал магик, пока его аккуратно усаживали на пол. – Сделал невозможное – Словом закрыл рану и спас умирающего.

– Вы сделали больше чем невозможное, – вдруг произнес пациент, который лишь недавно обивал пороги чертогов смерти. – Вы спасли короля. Меня зовут Газранган, и вам я обязан своей жизнью.

Глава 3

Путешествие начинается

Эш, сладко зевнув, осторожно выбрался из объятий какой-то леди. Парень не помнил ни ее имени, ни то, как он с ней познакомился, но, судя по тому, что она не проснулась, даже когда волшебник с самой отборной бранью свалился, запутавшись в штанах, – милостивая дама неплохо вчера напилась.

Пепел, недолго думая, натянул рубаху, взял посох, накинул плащ и вышел в коридор.

Вообще Эш весьма невезучий парень, но сегодня явно был не его день. Открыв дверь, он тут же получил по лицу, и самое обидное – ни за что. Мери просто решила постучаться в номер нового компаньона, но вместо двери перед ней оказался лоб, прикрытый банданой.

– Какой глухой стук, – хмыкнул Лари, проходивший мимо. – Березка, ты уверена, что мы правильного волшебника подобрали?

– Иди куда шел, – фыркнула Мери, пытаясь скрыть подступающий смех.

– Больно же, – по-детски буркнул Пепел, потирая ушибленное место, где явно вскоре вскочит шишка. – Ты зачем так сильно в дверь долбишься?

– Не в дверь, а в твой лоб, – хихикнула Алиса, еле увернувшаяся от подзатыльника Мервина Мочалки – защитника отряда.

Нетрудно догадаться, что прозвище он получил благодаря своей густой черной бороде, которую постоянно расчесывал щеткой. Ну а прославился славный воин-щитоносец тем, что однажды смог задержать в проулке восемнадцать разбойников. При этом не сделав ни шагу назад, стойко удерживая собственную позицию, выставив вперед один лишь щит.

– Вот именно! – вздернул указательный палец Пепел. Он, галантно оттеснив Мери, вышел в коридор и закрыл за собой дверь, напоследок послав воздушный поцелуй дрыхнувшей леди. – Двери, может, было бы больно, так что я спас ее своим лбом.

– Герой, – Эша хлопнул по плечу Тулепс, так же спешивший к лестнице, ведущей с жилых этажей к обычным залам.

Высокий, плечистый лучник, в лице которого явно угадывались нордовские нотки, носил гордое прозвище «Меткий». Далеко не каждый мог похвастаться звучным, «благородным» прозвищем, и одним из редких счастливых стал Тул, как его звали друзья и члены отряда. Никто не сомневался, прозвище он получил не даром.

Однажды на спор Тулепс сбил шесть листьев, танцующих на ветру. Причем – за один выстрел. Он применил одно из боевых умений тернитов-охотников – «Рассеянный выстрел». Это когда одна стрела в полете превращается в три или больше. Зависит от навыков стрелявшего. Обычный лучник таким образом просто накрывает площадь, но Тулепс бьет со снайперской меткостью.

– Вот с такими людьми будешь работать, – улыбнулась Мери, шаря в походном мешке.

Наконец найдя то, что искала, она кинула волшебнику небольшой железный медальон. На нем был выгравирован пень, отличающийся от своих сородичей только тем, что вместо корней у последнего красовались ножки.

– Смотри не потеряй, – строго произнесла глава отряда. – Герб – это не шутки.

– Обещаю, – ответил парень, защелкивая цепочку на шее.

На миг Мери показалось, что на лице Эша, не имевшего прозвища, показалась странная, пугающе-беспристрастная маска, словно у какого-то безумного зверя, но стоило моргнуть – и наваждение исчезло. Фехтовальщица списала это на игру света и теней, блуждающих по коридору. Держатели «Тесака» раскошелились лишь на два факела, чадающих по разным сторонам длинной «кишки». Так что – ничего удивительного.

– Пойдем, – вполне нейтральным тоном сказала Березка. – Ребята уже ждут не дождутся момента, когда мы выйдем на миссию.

– Кстати, вы мне так и не рассказали, в чем суть похода.

– Конечно не рассказали! – возмутилась леди. – Ты вчера, как ром увидел, буквально сошел с ума – всю ночь в компании каких-то темных личностей горланил песни и танцевал на столах. А потом еще и тернитку из враждебного отряда в номер увел!

– Хм, – протянул Эш, помнивший из этого только то, что он увидел ром.

Нет, волшебник был, так сказать, «язвенник-трезвенник», алкоголю предпочитая табак, но вот против рома просто не мог устоять. Как только в воздухе начинали «стонать» первые нотки любимого напитка, у волшебника туманилось в глазах, и он несся к бутылке на всех парах.

– Надеюсь, такое не повторится. – В тоне фехтовальщицы явно слышалось начальственное предупреждение.

– Пока мы будем в пути – нет, – тут же закивал парень, смущенно смотря куда-то в сторону. – Но ничего не обещаю во время остановок в тавернах.

– Мы не будем в них останавливаться. – А теперь в тоне явно звучало нечто сугубо злобное. Даже карие глаза леди как-то опасно сверкнули. – Наш отряд полностью самостоятельная боевая единица – у нас есть продовольственные запасы, палатки, даже личные кони. Кстати, тебе придется взять одного в аренду. Стоимость вычту из твоей доли.

Пепел мысленно уважительно кивал, все так же мысленно почесывая несуществующую эспаньолку. Он всегда хотел такую, но борода в любом ее проявлении, даже таком, была категорически противопоказана Эшу. Она словно превращала его прекрасное лицо в нечто уродливое и непонятное, впрочем – вполне удачно подходила для маскировки.

Что же до коней, то это, вообще-то, дорогое удовольствие. Нет, волшебник говорил не про тех кляч, которые есть у каждого хуторянина, а про настоящих коней. Таких, которых можно взять с собой в самое рисковое и длительное путешествие; таких, которые не подведут и сокола в галопе обгонят. Подобные животинки, даже на черном рынке, где продавали краденое имущество, стоили от семи, а то и восьми серебряников – немаленькая сумма, учитывая, что в одном золотом лишь тринадцать серебряников.

– Не надо, – покачал головой Эш. – У меня есть свой.

– Да ладно? – удивилась Мери. Судя по одежде, у такого бедняка вообще ничего своего быть не могло.

– Угумс, – кивнул парень.

Парочка подошла к лестнице, и Эш пропустил вперед Мери. Та, впрочем, не совсем верно это поняла, решив, что наглый, придурковатый волшебник просто хочет попялиться на ее филейную часть. Впрочем, Березка решила, что отыграется на тренировках, где даже с виду ленивый новобранец волком взвоят.

Сам же Пепел подобных намерений не имел – наука, привитая ему некогда во дворце короля, слишком прочно въелась в подкорку. Порой красавец действовал неосознанно, совершая красивые, но совсем неуместные действия. Но сейчас Эш, чья задумчивость скрывалась под беспечной улыбкой, размышлял совсем о другом.

Парень, держа руку в своем маленьком походном мешке, крутил в пальцах другой медальон. Он отличался от выданного фехтовальщицей разве что тем, что цепочка у него была золотая, а на задней части выцарапан девиз. Под изображением, где красовалась маска безумного демона, пожирающего кричащего ребенка, было написано: «Не милуем, не караем, лишь сеем пепел». Да, именно таков девиз Смердного легиона, командором которого некогда выступал сам Эш. Зачем же Пепел хранил поржавевший герб даже после того, как из непобедимого генерала превратился в самого разыскиваемого преступника? Наверно, затем, чтобы помнить, кем он был и кем он стал. Как бы двусмысленно это ни звучало.

– Эгей! – Мервин помахал своей лапищей, привлекая внимание главы отряда и новенького.

Мери тут же двинулась сквозь толпу – в это время обычно просыпались многие путешественники, чтобы успеть выйти из города до начала сбора пошлины. Фехтовальщица уселась за стол, с наслаждением втянула аромат мясной каши, а потом потянулась за морсом. Уже почти дотянувшись до кувшина, девушка вспомнила, что сначала нужно было рассказать Эшу примерный маршрут, дабы тот знал, что их ждет впереди.

Леди стала озираться, но никак не могла найти магика – его стул пустовал, а приборы лежали нетронутыми рядом с глиняной тарелкой.

– А где...

Тул с усталым видом ткнул куда-то за спину. Мери пригляделась, а потом пожалела, что уже успела зарегистрировать этого «Ромео» в их отряде. Эш сидел за столом каких-то торговцев, шутил с ними шутки и внаглую клеил баронскую подругу. Титулы терниты могли купить за деньги, но это считалось статусной вещью, так как стоило много, а пользы особой не несло.

– Убью, – прошипела Березка.

Фехтовальщица поднялась и, рассекая народ, словно ледокол, прошла прямо за спину Эшу. Тот, видимо, так и не понял, что сзади стоит глава отряда, так как продолжал травить свою байку.

– ...и тут, значит, понимаю я, что сыпанул вельможе вовсе не сахару в чай, а соль. Думаю – конец мне пришел, но благо нашелся какой-то парень, говоривший на восточном диалекте. Я его подхватил, и тот за два медяка начал втолковывать вельможе непонятную ересь. Я – словно переводчик, изъяснял, что чай, мол, заморский, деликатесный и вообще такой только тамошним королям подают. Вельможа, представьте, с удовольствием выпил соленого чаю! Еще и благодарил потом и сверху монет оставил!

Торговцы рассмеялись, а Эш, сверкнув глазами, зажевал какой-то пирожок и отпил из чужой кружки. Сидевшая рядом девушка самой обычной внешности незаметно поглаживала коленку парня под столом. Тот делал вид, что не замечает, хотя сам нет-нет да опустит руку на ее запястье.

– Кхм-кхм, – раздался голос за спиной.

Парень, шумно сглотив, разом схомячивая цельный пирожок, обернулся – за спиной стояла его новая «начальница». Она выглядела грозно, а строгого вида пучок волос, собранный на затылке, лишь усиливал общее впечатление. Эш, поняв, что путей для отступления нет, дурковато улыбнулся и сказал:

– Эм... а мы тут пирожки пробуем... хочешь?

В следующий миг парень уже весело размахивал рукой удаляющимся торговцам, в то время как Мери, цедя проклятия, тащила его за ухо к столу. Усадив за стол дурачка, неведомым чудом затесавшегося в отряд к бывалым приключенцам, Березка поклялась, что после того, как миссия закончится, она вызовет Эша на дуэль и прикончит его. Благо, учитывая все, что известно об этом человеке, победить будет весьма просто.

– Ой, какая прелесть! – воскликнули за столом.

Наверно, логично было бы предположить, что восклицание принадлежало кому-то из леди, но... нет. Все было совсем не так. Волшебник, увидев в волосах Алисы красный цветок, мигом достал из мешочка один маленький белый бутончик магнолии, а потом ловким, незаметным движением подколол его к красному бутону.

– Теперь просто идеально, – улыбнулся парень.

Жрица незамедлительно вытащила из мешочка зеркальце, повертелась, а потом, густо покраснев и спрятав взгляд, принялась, заикаясь, благодарить парня. Эш же, все так же беспечно улыбаясь, явно наслаждался ситуацией. Мери закипала, а парни веселились, глядя на то, как выходит из себя их предводитель.

– Эш! – рявкнула фехтовальщица, не выдержав накала. – За каким демоном ты полез к незнакомцам?

– Так ведь покушать хотелось, – развел руками парень.

– А здесь тебе чем не еда?!

– Не-е-е, – покачал головой волшебник, демонстрируя всю глубину неправоты леди. – Здесь еда платная, а там – бесплатная. А у меня особый принцип – не платить за то, что можно получить бесплатно.

– Так ведь и здесь ты тоже не платишь! Пропитание входит в стоимость бюджета кампании!

– Хм, – протянул Эш, поглаживая несуществующую бородку. – Об этом я не подумал.

– Ты вообще думать умеешь?! – не унималась Мери, которой на духовном уровне претило подобное поведение.

– Конечно!

Тут парень приложил к вискам указательные пальцы, а потом пошел красными пятнами, словно тужась над чем-то.

– Что ты делаешь? – захихикала Алиса.

– Показываю, как надо думать, – с надрывом, все так же тужась, произнес волшебник.

«Бродячие пни» взорвались смехом, Мервин стучал Эша по плечу, а тот снова по-простецки заулыбался, принявшись корчить какие-то рожи стеснявшейся, но все же смеющейся Алисе. Глядя на это, можно было подумать, что в теле двадцатитрехлетнего парня живет маленький шестилетний дурачок. Видя веселье отряда и пряча собственную улыбку, Мери думала, что даже если они нашли дрянного мага, то хоть шута себе приличного подобрали – будет кому в походе скуку развеять.

Когда закончилась трапеза, отряд стал собираться в путь. Как выяснилось, весь хабар «Бродячих пней» находился в повозке, стоявшей на специальной стоянке. Когда же спросили у Эша, где его вещи, то тот просто показал на свой маленький мешок, прикрученный к поясу.

Волшебник не любил, когда его окружало слишком много личных вещей. Все они постоянно что-то говорили, пытались завязать беседу, рассказать какую-то байку или иным путем привлечь к себе внимание. Наверно, в том, что знаешь тысячу Слов, есть и свои минусы – ведь если говорить можешь ты, то это означает, что говорить могут и с тобой.

Этого, конечно же, не знали члены отряда, так что, забирая повозку и лошадей со «стоянки», они в очередной раз убедились в необычности своего нового компаньона. Впрочем, необычность была со знаком минус, так что это не внушало радужных настроений.

– И где твой конь? – спрашивал Тул, севший на козлы повозки.

В ней лежали скрученные палатки, мотки бечевки и конопляной веревки, мешки с удовольствием, бурдюки с пресной водой, запасные комплекты амуниции, какие-то деревянные тубусы, наполненные различными пергаментными свитками. Множество ящичков со звенящими в них склянками и фиалами. Небольшой кожаный портфель под карты как звездные, так и обычные, астрольбия и что-то еще, столь необходимое отряду тернитов в их очередном приключении.

– В лесу, – пожал плечами Эш.

Он сидел на деревянном бортике телеги и весело размахивал ногами, сцепив руки за затылком. Подставив лицо летнему Ирмарилу, парень наслаждался погодой и тем, что его будут бесплатно кормить. По мнению волшебника, бесплатная кормежка стояла на втором месте после бесплатного жилья. Хотя тут еще надо подумать, что важнее... Эш даже хотел было всерьез поломать голову над этой непростой дилеммой, но Мери, видимо, решила взяться за перевоспитание нового подопечного.

– В каком лесу? – спросила фехтовальщица.

Она ехала на коне, который сразу невзлюбил Эша и сейчас пытался стянуть сандалии с его ног. Но тот не зевал и не позволял могучим челюстям завладеть единственной парой обуви. Почему-то если бесплатная еда в городах словно поджидала волшебника с цветочного луга, то вот сапоги никак не хотели попадаться ему на глаза. Правда, Мавери – цветочная фея – как-то рассказывала «большому другу», что где-то существует Сапоголяндия, где каждого ждет его идеальная пара обуви. Понятное дело, Эш не верил в подобные бредни, что, впрочем, не мешало ему расспрашивать известных путешественников, не знают ли они, где находится эта удивительная страна.

– В каком-то, – парень опять пожал плечами, все так же нежась под лучами солнца и отталкивая морду коня от сандалий. – Он у меня лесной житель – любит, знаешь ли, когда вокруг дичи много. Так ему охотиться проще.

Ребята из отряда переглянулись, и Меткий, словно выражая общие мысли, выразительно покрутил пальцем у виска. Да, наверно, «пни» все же поторопились с выбором волшебника, но даже такой лучше, чем ничего или тот же надутый школяр, ни разу даже с огнежабой не сражавшийся.

У самых ворот приключенцам пришлось постоять в очереди – начинался сезон охоты на василисков, и народ просто валом валил за ними. К пропускному пункту стояло около десятка отрядных повозок, а это чуть больше пятидесяти человек, что немало. Василиски, кстати, хоть и считались довольно опасными тварями, но зато свежевались весьма легко. А то бывает такое: чтобы разделать тушу убиенной твари или химеры, придется потратить времени больше, чем на само ее убийство.

– Тоже за василиском? – спросил стражник, просматривающий пошленные бумаги, поданные Мери.

Там указывалось, какие города посещал отряд, какие заставы он миновал, сколько денег уплатил и все такое. Если сумма пошлин превышала три золотых, то до полудня отряд по бумагам мог бесплатно въехать или выехать из любого города.

– Да, – отмахнулась фехтовальщица. – Надо бы ядовитыми железами разжиться, а то скоро яд не из чего гнать будет. Ну и там мелочевкой разной – шкурой и клыками.

Предводительница «пней» всегда считала, что чем меньше народа знает об истинной цели путешествия, тем меньше риск столкнуться с еретиками или разбойниками на обратном пути. Эти ушлые ребята будут долго выслеживать приключенцев, таясь в листве, словно волки-охотники, а потом, когда цель уже будет достигнута, нападут и перебьют всех, забрав добычу себе. Немало хороших людей и нелюдей погибло от рук подобных «рэккеров», как они называли сами себя.

– А это что, новенький? – страж кивнул на Эша, беззаботно качающего ногами в воздухе.

– Именно, – буркнула Мери таким тоном, словно ее только что обвинили во всех смертных грехах.

– Странный он какой-то, – протянул стражник, приподнимая шляпу с плюмажем.

Березка, процедив очередное проклятье, строго глянула на стража.

– С бумагами все в порядке?

– А, да, – спохватился служащий. Он поставил на одну из бумаг новый штамп, а потом вернул всю пачку обратно. – Пусть Ирмар...

– Да-да, – отмахнулась Мери, не любившая все эти традиционные пожелания. – И тебе всех благ.

Фехтовальщица, поправив ножны, притороченные к седлу, махнула рукой, и отряд двинулся вперед. Когда повозка проезжала мимо стражника, то тому показалось, что на него смотрят не голубые глаза странного дурачка, а острые кинжалы – наточенные и готовые к броску. Впрочем, стоило лишь служивому вздрогнуть от испуга, как ему уже счастливо махал рукой смазливый паренек, сидевший на бортике.

Эш смотрел на то, как сменившийся стражник чуть ли не побежал в управу к «Почтовым» – путешественникам, доставлявшим письма в любую изведенную точку мира. Их порой даже называют самыми отъявленными сорвиголовами, потому как тысячи опасностей подстерегают разумного, несущего в своей сумке важное послание. Стоили подобные услуги баснословную сумму.

«Ничего удивительного, – мысленно хмыкнул Пепел. – Он всегда слишком сильно трясся за свою шкуру».

«Бродячие пни» выехали на Мистритский тракт, на котором сейчас буквально через каждые двести метров виднелись посты рыцарей. Видимо, король, узнав о бесчинствах, сотворенных Вейном, решил усилить охрану. Эш, смотря на сверкающие доспехи, невольно отводил взгляд. Ему никогда не нравился этот блеск латной стали.

Двигаясь по широкой дороге, путешественники иногда встречались со своими знакомыми, и тогда заводились привычные разговоры. Кто-то хвастался удачным уловом, иные рассказывали, где можно подороже сбыть ту или иную добычу, третьи просто делились планами на будущее. Иногда знакомыми оказывались одинокие всадники, к седлам которых были прикручены самые разнообразные мешки – как по внешнему виду, так и по содержимому.

Порой встречались отряды, отправляющиеся в самые разные земли, но в основном во впадину Курозмей, где и просыпались от спячки василиски. Огромные существа – помесь курицы, жабы и змеи, в общем – те еще уроды.

Один раз даже встретился гильдийский полк. Это был огромный отряд, состоящий из двухсот тернитов.

– Березка! – окликнули сзади.

Эш от удивления чуть с повозки не свалился. Из-за поворота стройным маршем выходило целое конное крыло. Впереди ехал командир, сверкая гротескной броней, бликующей золотом; справа – лейтенант, второй после командира; а слева адъютант со штандартом, на котором в свирепом рыке застыл золотой лев, пожирающий звезду. Волшебнику был знаком этот герб, да и кто его не знал, все же он принадлежал сильнейшей гильдии в этой части континента. Называлась она то ли «Безумные», то ли «Сумасшедшие львы», в общем – что-то связанное с данной породой кошачьих и проблемами с разумом.

– Эрик! – улыбнулась фехтовальщица своему давнишнему знакомому.

Эрик Чванливый, вопреки своему прозвищу, отнюдь не страдал данным недостатком, так что никто даже не знал, за что ему дали подобное второе имя. Зато все знали, что этот паладин участвовал в походе на некрополь Зек'Ниир, где вместе со своей гильдией, потеряв десяток бойцов, все же одолел великого лича. А великие личи по силе почти равны высшим демонам, так что неудивительно, что Эрик, обретя заслуженное место в балладах, довольно быстро стал кумиром для многих начинающих воинов света.

Подъехав, командир рейда поздоровался с каждым членом отряда.

– Тул, – кивнул он лучнику. – Мочалка, Лари, красавица Алиса.

Девушка залилась румянцем и снова уткнулась глазами в жезл, который нервно теребила руками.

– И...

– Эш! – радостно воскликнул волшебник. – Приятно познакомиться!

Паладин недоуменно изогнул левую бровь и повернулся к фехтовальщице. Та лишь закатила глаза и неопределенно помахала рукой, мол – лучше и не спрашивай.

– Куда направляетесь, Мери? – спросил статный мужчина, сверкая своей белоснежной улыбкой.

Фехтовальщица даже бровь не повела, услышав этот вопрос.

– А, ну да, ну да, – продолжал улыбаться паладин. – Это же великая тайна. Ну а мы вот отправляемся на зачистку впадины.

– Опять ничего не оставите одиночкам?

– Кто знает... кто знает... возможно, за небольшую плату мы подпустим их поближе...

Кстати, ты прочитала мое письмо?

Мери, сжегшая конверт, даже не раскрывая его, тут же ответила:

– Конечно прочитала.

– И что ты решила? – прищурился паладин.

– Извини, Эрик, – покачала головой фехтовальщица. – «Бродячие пни» не присоединяются к гильдиям. Мы сами по себе.

Паладин немного помолчал. А потом надел свой шлем и прищипорил коня.

– Надвигается буря, Мери. Как бы ты не пожалела о своей строптивости.

С этими словами Эрик, поднимая клубы пыли, помчался куда-то вперед. За ним стройными рядами спешили остальные участники гильдии. По сути, эти самые гильдии были многочисленными отрядами, а так ничем особо и не отличались.

Когда «Психованные (или как их там) львы» скрылись за изгибом тракта, Мери сплюнула и передернулась, словно только что наблюдала перед собой нечто омерзительное.

– Подонок, – прошипела леди.

– Когда-нибудь я вызову его на дуэль, – заявил Лари.

– Тебе настолько жить надоело? – хмыкнул щитоносец. – Чванливый уже, наверно, подобрался к вершине мастерства. А может, он уже и сам почти мастер, может, даже одного из дюжины скоро вызовет.

– Да брось ты, – отмахнулся мечник. – Спеси у него хватает, а без своих шавок ни на что не способен.

– Ты его недооцениваешь, – заметил лучник. – А недооцененный враг – самый опасный враг.

– Не уверена насчет его опасности, – скривилась Мери. – Но от писем хотелось бы избавиться.

– Так ты его постоянно гонишь, – чуть ли не пропищала Алиса. – Вот он тебя и достает. Сходила бы с ним разок на свидание, и все. Никто же не просит тебя соглашение с гильдиями подписывать.

– Именно это и просят, – продолжала кривиться глава отряда. – А схожу на это свидание – и Эрик такого себе надумает... что потом от слухов не отмоешься. У него же язык как помело.

Народ замолчал, каждый думая о своем, что не понравилось Эшу. Он никогда не любил тишины, всячески ее избегая.

– А хочешь, – воскликнул волшебник, – я его победю! Или побеждаю... или победячу... Ну, в общем, нечто производное от «победить»!

Ребята засмеялись, и слаще всех звучал смех Алисы. Он напоминал колокольчик, звенящий на ветру. Эшу мигом полюбился этот звук, так что он был готов веселить ребят просто ради того, чтобы послушать причудливый, незнакомый ему смех. Впрочем, парню так же льстило и то, что Мери отвернулась, старательно пряча улыбку.

– Боюсь, – кашлянула она, – такому магику, как ты, не одолеть Эрика.

– Да? – мигом понурился парень. – Ну вот... А я думал, что я самый сильный волшебник по эту сторону горизонта.

Новый взрыв хохота пронесся по тракту, заставив напрячься проезжавших мимо рыцарей. Атмосфера как-то сама собой разрядилась, и вскоре ребята уже весело болтали ни о чем, предвкушая свое путешествие.

По самым скромным прикидкам до Огненных гор можно было добраться примерно за три месяца, если, конечно, по пути не встретится какая-нибудь лютая опасность. Ну а поскольку «лютая опасность» дама весьма своенравная, то ее появление обычно не сопровождается звоном тревожного набата, и подготовиться к такому визиту весьма трудно.

Вскоре отряд свернул с тракта и поехал по узкой проселочной дороге, так что пришлось вытянуться в длинную вереницу, в центре которой, скрипя рессорами, катилась груженная телега. Вокруг цвела долина, полная высокой зеленой травы и полевых цветов, своими бутонами превращающих зеленое море в разноцветный холст художника-импрессиониста.

Где-то на западе высились горы, такие далекие, что с трудом можно было разглядеть их очертания, из-за преломления казавшиеся голубыми. Именно туда и держал путь небольшой отряд с весьма комичным и, наверно, даже глупым названием. Эш не ошибся – то действительно были знаменитые Огненные горы.

Мери, окинув взглядом тянущийся к северо-западу пролесок, скомандовала остановку. Она, соскочив с коня, не раз вытаскивавшего фехтовальщицу из самых серьезных передраг, подошла к волшебнику. Тот даже не думал слезать с бортика, все так же беспечно улыбаясь.

– Эш, сейчас у тебя все еще есть шанс отказаться от нашего предприятия.

– Не-а, – ухмыльнулся парень, постукивая посохом о древесину. – Я с вами.

Глава отряда покачала головой и жестом попросила новенького слезть. Парень с явной неохотой, строя какую-то комически огорченную рожу, все же спустился на землю.

– Послушай меня. Мы отправляемся в Огненные горы не потехи ради и не для быстрой наживы. Мы идем туда по заданию самого Газрангана.

– Это который король? – спросил красавец. – Знаю такого. Мы с ним как-то чай пили.

– Прекращай шутить! Все серьезно! Об этом еще никто не знает, кроме самых доверенных людей, но дочь короля, принцесса Элеонора, заболела пламенной горячкой.

– Лекарство от которой делается из звездного цветка, растущего только на склонах Огненных гор, – задумчиво протянул Эш, шокируя ребят тем, что на миг из его тона пропала вся дурашливость. Впрочем, она тут же вернулась: – Значит, если мы добудем цветок, то спасем принцессу! Конечно же я с вами!

– Нас ждет смертельная опасность...

– А, – отмахнулся магик. – Без нее было не так интересно. А теперь главное – когда будем обедать?

Повисла тишина.

– Что? – переспросила девушка.

– Ну, – Эш почесал макушку, – разве мы остановились не для того, чтобы покушать?

Мери с отяжкой хлопнула себя по лицу, а ребята прыснули. Мочалка так и вовсе чуть не выронил щетку, которой привычно расчесывал свою густую черную бороду. Волшебник же с недоумением поглядывал на веселящихся путешественников, сам при этом поглаживая урчащий живот.

– На вот. – Криволапый, пошарив в мешке с продовольствием, кинул парню маленький пирожок.

Магик, словно довольный пес, взмыл в воздух на добрых два фута и схватил угощение зубами. Жуя сдобу, Эш довольно улыбался, пока Алиса гладила его по бандане, будто он действительно был не взрослым парнем, а маленьким пуделем.

– А ну прекратить! – гаркнула Мери. – Лари! Еще раз тронешь запасы, останешься без ужина!

– Как пожелаете, моя королева, – шутливо поклонился мечник, качнув при этом воображаемой шляпой.

Тул во время этого балагана философски рассматривал карту, но учитывая то, как он ее держал, можно было не сомневаться в том, что лучник просто скрывает улыбку за листом пергамента. Бумага, хоть и была надежнее и лучше, но стоила намного дороже, и у отрядов-одиночек на нее никогда не хватало денег. Как, собственно, и на зачарованный мешок.

Несложно догадаться, это такая торба, куда можно было спрятать половину слона, и наружу выглядывал бы лишь кончик хобота. Делали подобные диковины магики-зачарователи,

заламывая баснословную цену. Так что такие артефакты были редки на просторах безымянной планеты. Лишь некоторые, самые крупные и богатые гильдии все же владели двумя-тремя подобными мешками, выдавая их своим самым надежным и опытным приключенцам.

– Эш!

Красавец, подмигнув леди-жрице, повернулся к главе отряда. По его мнению, фехтовальщица слишком серьезно относилась к происходящему, ей явно не хватало щепотки позитива и безбашенности. Но ведь у волшебника будет почти три месяца, чтобы научить ребят веселиться.

– Да?

– Поскольку ты напридумывал про лошадь, то нам надо подумать, с кем в паре ты будешь ехать. Телега только для багажа!

Житель цветочного луга потупил взгляд – он опять что-то забыл. На этот раз это «что-то» касалось коня. Отряд воспринял этот жест иначе и уже стал обсуждать, кто и в какой очередности будет тесниться в седле: ехать в паре – это не самое приятное, что может случиться по дороге. Эш же стоял неподвижно.

Он прикрыл глаза, схватил двумя руками посох и немного приподнял его над землей. Дул ветер, играясь с полами заплатами плаща. Светило солнце, бликуя на поверхности лат, выглядывающих из мешков в телеге. Спорили ребята, приводя самые нелепые и порой даже абсурдные аргументы в пользу своей позиции. А Эш стоял. Если бы кто-то сейчас посмотрел на его лицо, то не увидел бы ни капли детской непосредственности и дурашливости, но все были заняты спором.

Наконец парень с силой вонзил посох в землю. Раздался звон, похожий на тот, который издает ложка, ударившая о стенку хрустального бокала. Ребята замолчали, наблюдая за кругами, расходящимися из-под посоха магика. Они оказались похожи на те, которые можно увидеть, кинув камень в спокойный пруд. Вот только эти круги не были водяными и не исчезали через несколько футов. Они, издавая тот самый звон, расходились по всей равнине. Добираясь до леса, они сотрясали его густые кроны, спугивая птиц и мелкую живность.

– Ты чего делаешь? – немного обеспокоенно спросил Тулепс.

Никто из «Бродячих пней» не видел и не слышал про подобное Слово, способное заставить траву и деревья вести себя подобно встревоженной водной глади. Эш же, подняв посох, вновь предстал в образе беспечного мальчишки, слизывающего хлебные крошки с уголков губ.

– Итак, – спокойно произнесла Мери, возвращая ребят к обсуждению возникшей проблемы. – Эш будет ехать вместе с...

– Гвидо! – воскликнул волшебник, приветственно размахивая рукой.

Со стороны леса к отряду мчался могучий конь, подобный тем, что рисуют художники на картинах, посвященных самым эпичным битвам прошлых эр. Его густая черная грива игралась на солнце, резко контрастируя с серым окрасом, черным хвостом и пятнышком того же цвета посередине лба.

Конь мчался так быстро, что его ноги сливались в размытое пятно, но все же можно было различить мощные мышцы, натягивающие кожу, могучую грудь, вздымающуюся при каждом движении, и жесткие бока, на которых не виднелось ни грамма лишнего мяса. Животное, начисто проигнорировав испуганное ржание своих сородичей и ошеломленные вздохи двуногих, остановилось около старого друга.

Теперь можно было разглядеть, что черное пятно на лбу на самом деле – изображение оскаленной морды волка. Гвидо – так звали коня, толкнул волшебника в грудь, а потом положил голову ему на плечо. Магик мигом зарылся руками в гриву, почесывая своего четвероногого друга, во власти которого было обогнать даже ураган.

– Эт-то чт-то такое? – спросил ошеломленный Лари.

– Это Гвидо, – улыбнулся Эш. – Мой конь.

– Конь?! – воскликнула Мери. – А почему у него не зубы, а клыки?!

И правда, в пасти Гвидо белели вовсе не ровные ряды конских зубов, а хищные, опасные клыки, которыми спокойно можно подрать глотку медведю. Собственно, на счету коня имелись не только медведи, но и рыси, лисы, кролики, барсуки, росомахи и прочие жители леса, по неосторожности попавшиеся в стальной замок челюстей.

– А это у него семейное, – пожал плечами волшебник, лихо вскакивая на спину Гвидо. – Его ведь волки вырастили.

– Что за чушь, – фыркнул Мочалка. – Волки не растят коней, они их жрут.

– Как и людей, – философски заметил Эш. – Но это не мешает некоторым детям жить среди них. И если уж волки способны взрастить двуногого, то почему не могут четвероногого?

– Наверно, могут, – еле слышно прошептала Алиса.

Она всегда смущалась при появлении в отряде нового лица. И неважно, был то человек, иной разумный или тот же конь.

– Вот и я так подумал! Еще жеребенком я спас Гвидо, а потом отдал волкам, попросив их принять его в свою семью.

– Ты можешь разговаривать с животными? – удивилась Мери.

– Да так, – мигом стусевался парень, поняв, что сболтнул лишнее. – Знаю пару звериных Слов, и все.

– Это может нам пригодиться, – задумчиво произнесла фехтовальщица, уже всюю прикидывающая возможную пользу от подобных знаний.

По легендам, магии могли говорить со всем, что существовало в этой вселенной. Если, что понятно, знали нужное Слово, но на деле было мало тех, кто зашел дальше, чем Слова тех или иных предметов. В основном они говорили с оружием, потому что именно это требовалось в любом отряде. В одиночку же последователям волшебной стези слишком сложно путешествовать, потому выбор очевиден.

Так что будь Эш друидом, не было бы ничего удивительно в том, что он знает звериные Слова, но ведь он был волшебником... Впрочем, именно этот факт каким-то чудным образом ускользнул от пытливого разума Мери, слишком жадного до любых «пряников».

– Слушай, – вдруг спохватился Меткий. – А твой Гвидо не порвет наших лошадок?

– Нет, конечно! – возмутился волшебник. – Он у меня хорошо воспитан! Правда ведь, Гвидо?

Конь в ответ утробно зарычал, заставляя своих сородичей (или все же роднее ему волки?) испуганно ржать и обеспокоенно кусать поводья.

– За его поведение отвечаешь лично! – отрезала Мери. – Все, господа, до ночи скачем без остановок. Мы и так дали остальным отрядам фору почти в целый месяц. Хья!

– Хья! – воскликнули остальные, щелкая поводьями и отправляя коней рысью.

Эш, нагнувшись к уху своего верного товарища, прошептал:

– Сегодня без гонок.

Гвидо расстроено фыркнул, а потом топнул правым передним копытом – так он высказывал недовольное согласие.

– Ну прости, дружище, но что-то мне подсказывает – наш ждут смертельные битвы и небывалые приключения.

Конь радостно-угрожающе зарычал – для него, как и для самого Пепла, одним из главных удовольствий в жизни были сражения. И не какие-то там «избиения младенцев», а полноценные сражения в полную силу.

Гвидо сорвался с места, за пару секунд догнав вереницу всадников «Бродячего пня», которые еще не знали, сколь темные тучи нависли над их головами в тот самый момент, когда они приняли в свои ряды дурачка-волшебника.

Два дня спустя

Лари вновь дотянулся своей палкой до Эша, на сей раз уколов тому бедро. Парень закачался, а потом рухнул на пятую точку, вызвав смех всех присутствующих.

– Все, перерыв, – улыбнулся Криволапый, подавая руку волшебнику.

– Изверг, – пробурчал магик.

Он отмахнулся от руки и, тяжело дыша и утирая пот, улегся на траве. Раскинув руки в стороны, мастер тысячи Слов смотрел на безоблачное небо. В этой части континента оно было таким далеким, что казалось, даже птицы не могут дотянуться до белых облаков, гонимых игривыми ветрами.

Было видно, что Эш устал и у него не осталось сил даже на привычное дурачество. Не то чтобы от палки Лари было сложно увернуться или же отбить ее посохом. Нет-нет, Пепел мог бы не только отбить, но еще и сжечь парня, ну или убить сотней других способов. Но сейчас он был вынужден сдерживаться, играя не очень-то и умелого волшебника. И это сдерживание оказалось самым сложным в подобной «тренировке».

– Ты все еще следишь за палкой, – зачитывал очередную лекцию мечник, плюхнувшийся рядом. – А надо смотреть за руками и плечами – это выиграет немного времени. А время...

– А время – это скорость, – закончил за Криволапого магик. – Знаю-знаю.

– Через полчаса продолжим.

Эш только закатил глаза, что-то недовольно и весьма обиженно бурча. Березка, глядя на то, как изнывает ее новый подопечный, мысленно злорадно ухмылялась. Конечно, она не была злобной стервой, просто считала, что для общего блага должны стараться все и в подобном предприятии не место дурачеству и бесконечному веселью. Да и вообще, какое может быть веселье, когда на кону жизнь дочери короля!

Но несмотря на позицию главы отряда, сами «пни» весьма спокойно относились к выходкам Эша, находя их как минимум забавными. Алиса, погруженная в чтение очередного любовного романа, нет-нет да бросала взгляд в сторону магика. Он, если бы не был таким безответственным, ленивым идиотом, вполне мог сойти за прекрасного принца. Благо красоты ему не занимать.

Тул и Мочалка резались в шахматы, параллельно обсуждая политику. Кто с кем будет воевать в ближайшее время, кто с кем поссорился, заключил мирный договор, обустроил свободные торговые зоны и все в этом духе. Подобные беседы давно уже стали чем-то вполне обыденным для тернитов, интересующихся международной политической ареной.

– Смотрите, «Вестник»! – воскликнула жрица, сидевшая в тени повозки.

Народ тут же отвлёкся от своих дел и повернулся в сторону, куда тянулась ручка леди. К поляне, где остановился отряд, приближалась маленькая черная точка. Она все увеличивалась в размерах, обрастая зримыми деталями, и уже вскоре можно было различить голубя с привязанной к нему свернутой газетой.

Наверно, мало кто поверит, что маленький голубь может тащить подобную тяжесть, но ответ будет прост – магия. Вернее, магия и гномий инженерный гений. Когда птица села на плечо Мери, то стало понятно, что это вовсе не живой «вестников богов», а механический. На солнце сверкали его железные перья, вместо клекота уши резал механический писк, а стеклянные глаза несколько пугали и вызывали дрожь в конечностях.

Девушка достала из кармана три медных монеты. В тот же миг в груди голема показалась прорезь, куда с тихим звоном и ухнули деньги. Голубь издал какой-то металлический стон, а потом взлетел, растопыривая медный хвост.

В руках фехтовальщицы остался лежать последний номер «Вестника». Лидер «пней» всегда заказывала его, когда отряд отправлялся в длительное путешествие – новости знать

полезно. А порой даже жизненно необходимо. Подписка стоила не так уж и дорого, так что вкладчину можно было потянуть даже доставку, стоившую как раз те самые три медных монеты.

– Чего пишут? – тут же спросил Лари.

Березка с укором глянула на мечника. Она-то знала, что парня больше всего интересуют не новости, а какие-нибудь слухи. По типу: кто из знаменитых тернитов засветился в той или иной пикантной ситуации. Таким вот сплетником вырос не самый безызвестный мечник, по прозвищу Криволапый.

– Сам потом будешь в белье копать, – фыркнула девушка.

Она резво пробежалась глазами по стройным колонкам текста, пока не остановилась на интересующем ее материале – сводке дуэлей и схваток. Хотя если быть честным, то данная колонка, которую вел Морон Перо, интересовала без малого всех.

– Ребята! – воскликнула Мери. Все тут же отвлеклись от своих дел и наострили уши. – В ордене новый мастер.

– Ург, что ли? – спросил Мервин. – И не смотрите на меня так – он уже давно говорил, что хочет попробовать занять место в дюжине.

– Умник, – фыркнула Березка. – Да, Беззубый вчера одолел воина-монаха Ли Пьянствующего и занял его место в Ордене Мастеров, став одиннадцатым.

– Зараза, – сплюнул Лари. – Ну что за невезение.

Криволапый с того самого момента, как получил прозвище, мечтал о том, что однажды и он станет одним из дюжины, но вот незадача – попасть в нее было не так уж и просто.

Орден Мастеров являлся неформальной организацией. Можно сказать, что подобного ордена вообще не существовало, потому как в отличие от гильдий он не имел выданного королем герба, но все же он существовал.

В нем всегда числилось лишь двенадцать членов, двенадцать самых сильных мастеров континента Морманон. Говорят, что каждый из дюжины по силе равен маленькой гильдии. Говорят, что номер в ордене дается за силу и чем ближе к единице, тем сильнее мастер. Сложно представить, что за мощью обладал глава ордена – Первый Мастер, которого, впрочем, никто и никогда не видел.

Но все знали, какой силой владел двенадцатый мастер, коим был не кто иной, как самый «дорогой» преступник – Пепел. Собственно, двенадцатым он стал лишь по недоразумению, и именно из-за этого недоразумения желающие быть членами ордена вызывали на бой одиннадцатого – самого «слабого» мастера. Никто не хотел сражаться с «демоном в человеческом обличье».

– Тут написано, – продолжала Мери, – что сражение произошло на холме Бурбона. Этим утром картографы переименовывают его во впадину Беззубого.

– Хорошо хоть, не в городе сошлись, – хмыкнул Мочалка, поставивший шах лучнику. – Помнится, когда махались Пепел и Гавейн Железнолобый, то сровняли с землей целый город.

– Сложно поверить, что такие монстры и вправду существуют, – немного испуганно произнесла Алиса, подтянувшая ножки, накрыв их подолом робы.

– Слухи обычно преувеличивают, – неожиданно для всех сказал Эш, лежавший с закрытыми глазами. – Железнолобый и Пепел не хотели разрушать город, просто они случайно взорвали пороховой склад.

– А ты откуда знаешь? – поинтересовался Лари, жуящий травинку.

– Ну так ведь я и есть Пепел, – пожал плечами волшебник.

Повисла тишина, а потом все засмеялись. Больше всех заходился Лари, стучащий кулаком о землю. Веселился и сам Эш, довольный тем, что вновь сумел развлечь своих спутников, а то лицемерие их постных мин порой сильно угнетало.

– Что-то не похож ты на великого волшебника, – хихикала Алиса.

– И чем же? – возмутился парень.

– Говорят, – подмигнул девушке Тул, – посох Пепла выточен из дерева арамии, так же известного как огнедрева. По легенде, в него ударила первая молния, рассекшая небо этого мира. И именно так огонь выбрался из недр земли на поверхность. Говорят, что посох в несколько раз усиливает огненную стихию. А у тебя Эш, прости, конечно, обычная палка.

– А еще говорят, – подключилась Березка, – что, чтобы получить посох, Пепел обыграл в шахматы бога мудрости – Лао Фень. А как нам уже известно, ты даже не умеешь играть в эту игру.

Эш покрутил в руках свой простецкий посох, а потом поднялся на ноги. Он вытянул его в сторону леса и произнес:

– Огонь!

Сначала ничего не происходило, а потом «палка» исторгла маленькую искорку. Народ вновь покатился со смеху, и парень застенчиво заулыбался, почесывая макушку.

– И не стоит забывать, – шепотом бывалого рассказчика добавил Мервин, – что плащ Пепла, позволяющий ему парить, сделан из воспоминаний ветра. А твой больше похож на штопанную половую тряпку.

– Неправда, – пробурчал Эш. – Просто ветер многое забыл и мне пришлось подшить плащ.

– Ну парить-то ты не можешь! – сквозь смех продавила Березка.

– Еще как могу! – воскликнул житель цветочного луга. – Смотрите!

Эш воткнул посох в землю и схватил края плаща. Как-то комично согнувшись, пародировав птицу, он начал размахивать руками и смешно ухать, носясь по всей поляне, иногда подпрыгивая и кувыркаясь через спину.

Ребята заходились в хохоте, и никто так и не заметил, как трава в месте, где стоял посох, начала жухнуть и чернеть, будто сгорая изнутри.

– Ладно, – пропыхтела Мери, утиравшая выступившие от смеха слезы. – Возвращайтесь к тренировке. Еще один бой, а потом выдвигаемся.

Эш, устало вздохнув, вытащил из земли посох, ногой разметал сожженную траву и принял боевую позицию волшебника, схватив оружие двумя руками и выставив его вперед. Для Пепла это был вовсе не бой, а тяжелая постановка глупого спектакля. Когда Лари вновь замахнулся своим прутом, волшебник вспомнил, как сражался в первый раз и как это сражение изменило его судьбу.

27-й день месяца нуст, 310-й год, Срединное царство, королевский дворец

Газранган сидел на троне, размышляя о чем-то своем. Наверное, это «что-то свое» касалось неких государственных дел, заговоров, интриг, экономики и прочих проблем, которые приходят в тот же самый момент, когда на голову ложится золотая корона. Впрочем, никто не мог сказать точно, о чем думает молодой мужчина в расцвете сил, лишь недавно женившийся на первой красавице трех королевств.

– Мессир, – в малый тронный зал заглянул камердинер. – Его магичество первый архимаг прибыл.

– Спасибо, – кивнул король, считавший, что вежливость со слугами – вернейшая политика. – Будь любезен, пригласи его зайти.

– Сей момент, мессир.

Камердинер, щелкнув каблуками своих блестящих черных туфель, скрылся за дверьми. Спустя мгновение через них прошел человек весьма необычного вида. На голове у него красовалась красная тюбетейка, из одежды наличествовал лишь лиловый балахон с оборками на рукавах, а в руках он держал длинный посох из белого дерева.

– Мессир, – поклонился первый придворный архимаг.

– Проходи, Артур, – король, привстав, приветствовал человека, веселившего его в детстве различными фокусами. – Как твоя спина?

Архимаг прошел к трону и сел рядом с королем – такой почести были удостоены немногие. Впрочем, именно для таких немногих рядом с двумя тронами красовались резные табуретки из черного дерева – самой дорогой древесины на известных картографам землях безымянного мира.

– Как и положено в моем возрасте – ноет, – улыбнулся Артур, поглаживая длинную серебряную бороду, доходившую до пояса.

– Может, возьмешь отпуск? – подмигнул король, что совсем не соответствовало его высочайшему положению.

– Что бы вы, ваше величество, наводнили дворец балаганными фокусниками? Никогда в жизни!

– Я так и знал, – якобы разочарованно вздохнул Газранган. – Ты никогда не любил цирк.

– Зато вы его просто обожаете. Благо это увлечение разделяет ваша прекрасная жена.

– Это да. – И тут король с присущей ему строгостью резко перешел к делу. – Но я позвал тебя по другому поводу.

– Я в вашем распоряжении, мессир.

– Артур, полгода назад я попросил тебя взять в обучение одного юношу.

Лицо архимага мигом помрачнело, а уголки губ задрожали в негодовании. Это просьба стала для престарелого магика самым тяжелым испытанием за всю его жизнь.

– Все так, мессир, – кивнул маг.

– Сегодня я бы хотел узнать, каковы его успехи в нелегком деле волшебства.

– Они, без всяких сомнений, поражают, мой король. Еще не доводилось мне видеть адепта, поглощающего знания с подобной скоростью. За эти неполные полгода еще до первого снега он овладел двумя формами огненной магии и постиг тайные знания почти семидесяти Слов. Даже вспоминая себя в его годы, я не мог похвастаться таким талантом. Поистине, мессир, вы привели во дворец великого гения волшебства.

Газранган, слушая хвалебные речи, кивал, думая, как вы уже поняли, о чем-то своем.

– Я рад это слышать, господин первый архимаг. Но что вы скажете об Эше не как об ученике, а как о человеке?

Тут лицо старика покраснело, а в глазах заиграли стальные отсветы.

– Чудовище! – воскликнул он. – Сущий дьявол! Все это время я следил за его обучением. Смотрел на то, как первые рыцари обучают его ездить на лошадях, на то, как камердинеры учат пользоваться столовыми приборами, на то, как писари дают ему возможность познать грамоту, историки – прочесть древние трактаты. Наблюдал за тем, как десятки учителей, нанятых вами, загружают его разум невероятным количеством информации и навыков! Но за все это время я не видел ни одной эмоции на лице Эша! Он не выказывает ни сострадания, ни гнева, ни ярости, ни жалости, ни любви, ни ненависти. Ему безразлично, если на его глазах убьют любое живое существо, если изнасилуют женщину или порубят на куски грудного ребенка! Он не знает, что такое страх, зависть, похоть, желание, мечты! Такое впечатление, что это просто ожившая скульптура гениального творца! Пустая оболочка, наделенная разумом небывалой остроты. Мессир, пока не поздно, изгоните из дворца этого демона!

– Ты уверен в своих словах?

– Я готов ответить за них головой! – Глаза Артура пылали яростным пламенем, что, безусловно, лишь подтверждало его искренность. – Даже более – за свои речи я могу поставить мою любимую шапку!

Газранган попытался не прыснуть, скрыв смех за внезапным приступом икоты. Удивительно, но архимаг ценил тубетейку больше жизни. Но как бы то ни было, каждому великому магику полагаются свои причуды и закидоны.

Король властным, отточенным жестом дернул за шнур, и в тот же миг в малый тронный зал вновь просунулся камердинер.

– Позовите сюда баронета Безымянного.

– Сей момент, мессир. – И, снова щелкнув каблуками, камердинер исчез, спеша выполнить приказ.

* * *

Эш сидел на балконе в своих покоях. Они, по мнению начинающего волшебника, были слишком большими. От дверей до панорамных окон требовалось пройти почти двадцать футов белого мрамора, а кровать, стоявшая у восточной стены, по размерам выигрывала у горницы в доме баронета.

Теперь Эш не просто отшельник, а самый настоящий баронет Безымянный. Правда, у него не было ни земель, ни денег, ни даже наследия – титул принадлежал лишь ему и не передан бы детям. Впрочем, это не очень волновало красивого юношу, который в данный момент читал сборник старых легенд. Они нравились ему куда больше, нежели заурядные лекции историков и летописцев, но раз король сказал «учись» – надо учиться. Да и сам Эш был не против постичь даже столь бесполезные, по его мнению, науки, как история или этикет.

В тот самый миг, когда король предложил своему спасителю переехать во дворец, этот самый «спаситель» согласился незамедлительно. Он устал прятаться от странных существ и непонятного мира в стенах заброшенного домика посреди густого леса. Все нутро Эша буквально рвалось к путешествиям и приключениям, но что-то его сдерживало, не давало отправиться в путь, и тут такая удача – сам король предлагает свою дружбу и службу на благо страны.

Конечно, приходилось учиться: ездить верхом (отбив себе задницу) или пользоваться такой глупостью, как столовые приборы (исколов все пальцы и порезав пару раз язык), научиться писать, непонятно для чего и зачем, и даже постичь экономику! Хотя суть денег все так же была сокрыта от Эша. Он не понимал, как, к примеру, мушкет может стоить золотую монету. Ведь мушкет такой большой, а монета такая маленькая, к тому же вечно теряется. Вот кусок вкусного жареного мяса мушкет стоить мог. Ведь его – мясо – можно скушать и потом не испытывать голода почти весь день, а золотом вряд ли можно наесться.

Так же Эш никак не мог понять, почему на него так странно смотрят девушки. Парень старательно избегал их общества, не очень-то понимая, почему они носят платья, а он – камзол. Так же волшебник не знал, почему леди ходят в одни купальни, а мужчины – в другие. И вообще, в чем заключается основополагающее различие между двумя полами.

Эш не знал еще очень много и был благодарен королю за то, что тот бесплатно учит его многим премудростям. А еще за то, что иногда, довольно редко, но все же – иногда они сидят на крыше дворца и играют в карты на ром. Эш, не любивший крепкую, горячую и горькую «пахучую воду» со странным вкусом, буквально влюбился именно в этот напиток. Подобную любовь разделял и король. Правда, во время игры они пили не излюбленный напиток пиратов, а чай, что, впрочем, не так уж и важно.

В дверь, вернее в огромные девятифутовые двери постучались.

– Войдите! – крикнул Эш.

И можно не сомневаться, не крикни он – и стучавшийся не услышал бы даже писка, настолько большими были выделенные баронету покои.

Внутри протиснулся королевский камердинер и чванливо, насколько это возможно, прокричал:

– Его величество король Газранган IV вызывает баронета Безымянного в малый тронный зал.

Волшебник захлопнул книгу, запоминая страницу, на которой остановился; он соскочил с перил балкона и зашел внутрь покоев. Красивый юноша лет восемнадцати поднял свой изящный резной посох с изысканным орнаментом (подарок короля) и пошел вслед за камердинером. Они вышли из покоев и отправились по извилистым, запутанным коридорам дворца.

Здесь, среди блеска золота, бархата, парчи, изысканных витражей, искусных барельефов, скульптур известнейших творцов, бесконечной роскоши и красоты Эш чувствовал себя неуютно. Он не понимал, почему полотно какого-то придворного художника ценнее рисунка маленького ребенка. Или почему скульптура, стоявшая на входе дворца, гениальнее поделки, вылепленной подмастерьем гончара. Все эти вещи, будь то платья, украшения, книги или картины, казались волшебнику одинаковыми – одинаково прекрасными и драгоценными. Так, к примеру, для Эша картина стоимостью в двести золотых могла быть равноценна какой-нибудь дешевой брошке со стеклянной миниатюрной ласточкой.

Свернув за угол, войдя в широкий, просторный холл, Эш оказался перед высоченными дверьми, украшенными позолотой и пластинами из черного дерева – они вели в малый тронный зал. Хотя в этом самом «малом» зале могло бы поместиться больше сотни человек.

– Проходите, – поклонился камердинер. – Мессир ждет.

Баронет, поблагодарив придворного кивком головы, решительно прошел внутрь, настезь распахивая двери. Там, в отдалении, сидели король и первый архимаг – сэр Артур. Юный волшебник знал, что архимаг не любит его и надеется выжить из дворца. Но сам Эш не понимал смысла таких слов, как любовь или симпатия. Он одинаково относился ко всем, будь то падающий осенний лист или плачущий ребенок – юноша был одинаково безразличен.

– Ваше величество, – достаточно отчетливо, но негромко произнес вошедший магик: все – как учили камердинеры. – Баронет Безымянный по вашему повелению прибыл.

Эшу даровали привилегию сидеть в присутствии стоящего короля. Фактически это одна из самых желанных и самых редких привилегией, даруемых только ближнему кругу дворян. Но как бы то ни было, даже это казалось Газрангану слишком маленькой и неощутимой наградой за спасение жизни. Король боялся представить себе, что не исцели его этот практически мальчик, и тогда он бы уже никогда не смог держать в своих руках прелестные ладони Элассии.

– Мой друг, – король, вызывая недовольство сэра Артура, поднялся с трона и подошел обнять юношу, ростом на полголовы ниже правителя, – я рад тебя видеть. Прости, что прошлую игру пришлось перенести.

– На то ваша воля, – поклонился Эш: все – как и учили придворные. – Я вижу, сэр Артур с вами.

– О да. – Король указал волшебнику на одну из табуреток, и скоро на небольшом возвышении сидели трое. – Мы имели интересную беседу с твоим наставником. Он весьма лестно отзывался об успехах своего единственного ученика.

– Благодарю, милорд. – В этот раз Эш склонил голову перед архимагом, который даже бровью не повел – не то что ответил на жест. – Боюсь, сэр Артур несколько преувеличивает. Я все еще многого не знаю.

– Как всегда скромн! – со смешинкой в голосе воскликнул король. – Многим моим подданным не хватает этого качества! Но сейчас не время для скромности, мой друг. На наши земли надвигается буря, и я хотел бы, чтобы ты принял непосредственное участие в борьбе с ней.

– Мой... – Архимаг не смог договорить – правитель Срединного царства прервал его властным взмахом руки.

– Это честь для меня, – в третий раз склонил голову волшебник. – Ваши приказания, мессир?

– Не торопись, баронет. – Голос Газрангана обрел оттенок юношеской задиристости. Король словно бросал вызов. – Сначала я должен проверить, подойдешь ли ты для моего поручения. Приведите осужденного!

В тот же миг двери распахнулись и в зал вошли трое. Правда, если быть точным, то непосредственно вошли только двое, а третьего тащили, заставляя его ноги скользить по мрамору. Пара гвардейцев в легких доспехах волокла какого-то бедолагу. Он был весь в лохмотьях, давно нестрижен и немыт, отчего вызвал волну неудовольствия у камердинера, манерно прикрывшего нос платочком.

Гвардейцы буквально бросили преступника у ног короля, а потом встали по разные стороны, обнажив мечи. Только личной гвардии правителя дозволялось обнажать оружие во дворце, любой другой, дерзнувший на такое бесчинство, был бы немедленно убит.

Эш смотрел на человека, кашляющего и стонущего, с полным бесстрашием в глазах. Ему было все равно, и он не понимал, как может быть не все равно.

– Ваше величество? – спросил Эш.

– Терпение, мой друг, – все тем же тоном ответил Газранган и повернулся к гвардейцу. – Дай ему меч.

Гвардеец стоял неподвижно, с недоумением глядя на повелителя.

– Я сказал – дай ему меч!

– Прошу простить! – Солдат, поняв, что посмел перечить королю, бросил преступнику клинок и припал на правое колено.

Осужденный, чьи лохмотья давно провоняли мочой и потом, схватился за оружие и вскочил на ноги. Его лицо было изрезано старыми и новыми шрамами, желтые кривые зубы обнажились оскалом, а в глазах плясали огоньки безумства. Впрочем, нападать на короля он не смел – видимо, в разуме все еще теплился инстинкт самосохранения.

– Это, Эш, осужденный за насилие, разбой, убийства и мародерство мечник из города Фельшем. Утром его приговорили к казни через повешение, но я своей царской волей изменил приговор. Тебе интересно, на что я сменил казнь?

– Да, – соврал волшебник.

На самом деле ему было плевать – плевать, что сделал этот человек и к чему его приговорили. Перед юношей просто стоял живой мыслящий организм и не более.

– Я дарю этому мечнику шанс. Если он победит тебя в честной схватке, то я дам ему коня и три дня форы от преследователей.

– Значит, я должен сразиться с ним?

Архимаг хотел возразить, но ему вновь не дали слова.

– Все так, мой друг.

– Как пожелаете, мессир.

Эш встал, поклонился сначала королю, потом наставнику, а затем повернулся к мечнику. Не было ни сигнала, ни отмашки, бой начался в тот самый момент, когда баронет перехватил посох и встал в стойку.

Исторгая безумный, сумасшедший гогот, полный жажды крови, мечник ринулся в атаку. Его клинок засиял изумрудным светом, и по ушам ударил дикий визг скоростного выпада. Волшебник принял выпад серединой посоха, а потом, используя инерцию движения, перенаправил удар в сторону. Мечник споткнулся, сделал два неловких шага и наотмашь рубанул мечом, изворачиваясь ужом и сверкая голыми пятками.

Эш отпрыгнул в сторону – он сделал что хотел, выиграл время для формы.

– Первая форма: воплощение!

Вокруг юноши затанцевали лепестки огня. Мечник все так же безумно гоготал, облизывая свои изорванные губы, больше похожие на изжеванный улитками лист подорожника. Он смеялся даже тогда, когда лепестки сорвались в стремительном полете. Они закружили вокруг смертника, а тот, безумно гогоча, буквально источая какое-то ненормальное вожделение, рубил их клинком, на этот раз сверкающим красным. Только опытный мечник мог рассеять стихийные заклинания, и, видимо, противник Эша был куда более опытным.

Преступник принял странную стойку. Он согнул ноги, вытянул правую руку вперед, а левую положил на лезвие, смотрящее в потолок. Кончик клинка смертельным жалом глядел прямо в сердце Эша, чье лицо не выражало не единой эмоции, став застывшей маской бесстрастия. Волшебник, будто подтверждая слова архимага, обернулся ожившей скульптурой – красивой, но бездушной.

– Кровавый рассвет! – рявкнул мечник.

В тот же миг он провел ладонью по лезвию, и клинок, словно впитав его кровь, стал алым подобно ранней заре. Раздался свист и спустя мгновение – глухой стук. Меч, несмотря на примененное умение, способное рассечь даже каменную кладку собора, ударился о посох. Дерево, окутанное пламенем, выдержало удар стали. Это была вторая форма – «покров».

Эш, крутанув оружие, отбросил противника, а потом вонзил посох тому в живот. Раздался крик, запахло горелой плотью, и мечник, выронив клинок, стал падать на колени. Но ему не суждено было коснуться пола, Эш схватил его за волосы и, держа тело, словно испорченную куклу, повернулся к королю. Газранган выглядел более чем воодушевленным, в глазах его плясало предвкушение. Архимаг же был готов распрощаться с обедом, рвущимся из желудка к глотке.

– Ваша воля выполнена, мессир, – отчеканил волшебник.

– Пока еще нет, – произнес король. – Убей его, Эш.

– Нет! – крикнул архимаг, но было поздно.

На ладони волшебника, лицо которого все так же не выражало ровным счетом ничего, закружился огненный шар. Со свистом рука вошла в грудь мечнику, а потом с чавкающим звуком вышла со спины. Эш выдернул из опаленной дырки все еще бьющееся сердце. Преступник, в чьих глазах застыло отражение животного ужаса, смотрел на то, как в окровавленной ладони красивого юноши бьется его собственное сердце. Это стало последним, что увидели безумные глаза.

Эш сжал сердце, и то рассыпалось прахом. Архимаг, смотревший на все это, чувствовал, как его сковывает страх. То, что применил волшебник, не входило в программу обучения. Более того, этому не мог научить никто, хотя бы потому, что подобное старый маг видел впервые – баронет изобрел данные заклинания сам.

«Что за дьявол вселился в него?» – думал обладатель тубетейки, осеняя себя священным знаменем.

– Bravo, мой друг, – захолопал Газранган. Он поднялся со своего трона и вновь обнял волшебника, похлопав его по спине. – Именно этого я и ждал, именно это я и искал. Что ж, полагаю, ты хочешь услышать детали.

– Как пожелает ваше величество, – склонился юноша.

– Эш, помнишь ли ты, как спас меня в лесу Монса?

– Да.

– Так вот, тогда на меня напали солдаты нашего восточного соседа – королевства Арабаст. Это послужило их ответом на мирное посольство. Завтра наши страны объявят состояние войны, и я хочу, чтобы ты возглавил один из легионов.

Только сейчас Эш внезапно осознал значение слова «удивление»: да, он был удивлен. Быть генералом легиона – это высшая честь и ранг для военного человека. Он же, недавний отшельник, даже не носил погон.

– Мой друг, войны выигрываются здесь, – король коснулся лба юноши. – А проигрываются здесь, – Газранган переместил свой перст на сердце парня. – И я хочу, чтобы ты заставил сердце Арабаста содрогаться от ужаса. Хочу, чтобы плач их жен и детей не смолкал ни на мгновение, хочу, чтобы они не смели даже носа показывать из крепостей и застав. Хочу, чтобы ты посеял на их землях столько страха и ужаса, сколько только сможешь.

Эш, поняв, что грядет, припал на правое колено, положив посох рядом с собой. Он склонил голову и даже задержал дыхание.

– Как пожелаете, мессир.

– Завтра, Эш, я создам новый – седьмой легион. В него я включу всех заключенных в тюрьмах, зачислю в него каторжников, насильников, убийц, предателей и изменников. Вам не будет оказано ни малейшей помощи от государства, никаких субсидий, денег, продовольствия или амуниции. Из оружия будет выдано лишь то, что забраковали королевские инспекторы. Понимаешь ли ты, что я, возможно, отправляю тебя на верную смерть?

– Если вашей волей будет моя смерть – я умру. Если вы пожелаете, чтобы я сжег Арабаст, я сожгу. Если пожелаете, чтобы я утопил ваших врагов в крови – я утоплю.

Газранган слышал и верил этим словам, этот юноша действительно сделает то, что скажет король. Он просто не знает, как жить по-другому. Эш был словно сорвавшимся с ветки листом, гонимым ветром.

– Поднимитесь, баронет Безымянный. Отныне вы генерал седьмого легиона. Отныне вы ужас, что на свою беду пробудили наши враги.

Волшебник поднялся с колен и принял из рук короля герб его легиона – на медальоне багровым отблеском сиял лик безумного демона, пожирающего кричащего младенца.

– Ваше величество, – прозвучало за спиной магика.

У дверей склонился в поклоне мужчина лет тридцати. Одет он был весьма бедно, что, впрочем, не могло скрыть природной стати и некой аристократичности.

– Познакомься, Эш, – хищно улыбнулся Газранган. – Это твой будущий лейтенант и заместитель, барон Рэккер. Он из ссыльного графского рода, который обесчестил себя взятками и лжесвидетельством. Я дал им возможность искупить свои грехи, и они прислали старшего сына тебе в услужение.

– Когда мне приступить к службе, мессир? – только и спросил волшебник.

– Немедленно, мой друг. Немедленно. Война не ждет!

– Как пожелает мой король, – поклонился юноша и развернулся к лейтенанту.

Они встретились глазами и синхронно кивнули друг другу. Чем-то эти двое были похожи. Наверное, тем, что при взгляде на чужие страдания на их лице не отразилось бы ни единой эмоции и не дрогнула бы бровь.

Бывший отшельник, а ныне – командор седьмого легиона, покинул малый тронный зал. Вскоре вышли и гвардейцы, выносящие труп мечника, в теле которого красовались две обугленные дырки. Одна в районе живота, а вторая в груди – там, где некогда билось сердце.

– Мессир, – обреченно вздохнул архимаг, стягивая трясушейся рукой тубетейку. – Вы только что разбудили монстра.

Газранган промолчал, а потом улыбнулся хищной, опасной улыбкой, превращая свой лик в оскал свирепого альфа-волка, готового драться за стаю до последней капли крови. До последней капли вражеской крови.

– Нет, сэр Артур, его разбудил Арабаст, и они же за это поплатятся.

31-й день месяца тамир, 322-й год, где-то на восточной границе Срединного царства

– Эш... Эш... Эш!

С третьего раза парень вывалился из задумчивой дремы и неловко улыбнулся Алисе, нервно теребящей его за рукав.

– Смотри, – сказала девушка. – Там, за заставой, королевство Арабаст. Наше путешествие начнется, как только мы пересечем границу. Скажи, ты когда-нибудь бывал в Арабасте?

Пепел вспомнил крики умирающих стариков, плач матерей, разрубаемых вместе с детьми, которых они прикрывали своими телами. Вспомнил возбужденный смех лейтенанта, сжигающего церковь, забитую мирными жителями. Он как наяву увидел своих легионеров – окровавленных, режущих, грабящих и насилующих. Он услышал дикие вопли, проклятья и кожей ощутил ветер, пропитанный безумным, животным ужасом.

Вновь сердце дрогнуло, заходясь в такт барабанам, поющим марш Смердного легиона.

– Нет, – соврал Эш, беззаботно улыбаясь маленькой леди. – Не бывал.

Глава 4

Замок оборотня

Оставив заставу позади, вот уже неделю «Бродячие пни» неспешно ехали по широкой, но явно заброшенной дороге. По ее краям высилась осока, а между порой выкорчеванными булыжниками зеленели клочки сорняковой травы. Людей почти не было, и в воздухе застыло гнетущее чувство тревоги. В Арабасте, несмотря на то что от границы до Мистрита всего около недели конной езды, даже небо было другим. Оно казалось тяжелым, низким и неприветливым.

Алиса сильнее куталась в робу, запахнувшись изумрудным плащом. Ее не волновало, что на континенте разгар лета. Почему-то именно сейчас леди было холодно.

– Все в порядке? – спросил Тул, обернувшись к маленькой девушке.

Та лишь кивнула и до побелевших пальчиков сжала свой жезл.

– Не умеешь врать, – хихикнул Эш, треплющий гриву Гвидо. – Может, скормим тебе пирожок? Говорят, еда – лучшее лекарство от хандры.

– Так говоришь только ты, – буркнула Алиса, на лице которой все же засверкала неловкая улыбка.

– Тогда пирожок отменяется, – широко, до ушей, улыбнулся Эш, жестом успокаивая Мери, готовую убить за сохранность запасов.

Мочалка, уткнувшийся в карту, благодарно кивнул Лари, когда тот перевернул лист вверх ногами. Вернее – это Мервин смотрел на карту, поставив ту «на голову», а Криволапый восстановил историческую справедливость, вернув северный полюс на север.

В небе летали ласточки. Они порхали, стремительно исчезая и появляясь между огромных замков, созданных из белых кучевых облаков. Они парили над высокой травой, покрывающей бесконечные равнины Арабаста. Иногда вестники свободы и счастья зависали над холмами, покрытыми цветами, изредка усаживаясь на камни, торчавшие среди разноцветного покрова.

Птицы не знали, что это были вовсе не ледниковые валуны, а части стен, башен и храмов городов и крепостей, сожженных во время войны. Ласточки не понимали, что, пролетая над черными буграми, они порхают над могилами поселков и деревень, где в земле до сих пор лежат костяной пепел и прах.

Эш никогда не любил ласточек – они напоминали ему об Арабасте. Стране, в которую волшебник не хотел возвращаться.

– Березка-а-а-а, – простонал парень. – Я кушать хочу.

– Терпи, – процедила фехтовальщица.

У главы приключенцев сложилось устойчивое мнение, что магик хочет есть всегда. Причем, даже если его накормить «на убой», то ровно через час он вновь начнет причитать и ныть. В такие моменты его не затыкает даже курительная трубка, изредка покидающая походный мешок волшебника.

– Тул, – слишком громким шепотом позвал Эш. – Пока злока не видит – дай пирожок.

Меткий покосился в сторону главы, чье веко подрагивало от еле сдерживаемых злости и негодования. Весь вид леди словно говорил: «Только попробуй... Только коснись мешка!»

– Эмм, – промычал лучник, сглатывая комок в горле. – Прости, приятель, но ты уже съел все пирожки.

– Что-о-о?! – хором взревели Лари с Мервином.

Защитник и мечник, натянув поводья, развернулись к магику. На их лицах застыло неопишное сочетание жажды крови и горя от того, что им не достанется известных на весь Мистрит пирожков от матушки Зельды.

– Гвидо, – серьезным тоном произнес красавец. – Кажется, нам надо спасаться бегс...

Договорить Эшу не было суждено. Сильный порыв ветра принес с собой не только дорожную пыль и песок, но еще и листовку, облепившую лицо юноши. Оторвав от себя пергамент, парень вчитался в строки, а потом радостно завыл, словно только что выиграл в наперстки. Хотя, по мнению Эша – все так и было.

– Мери, Мери! – закричал он.

Гвидо всего за мгновение переместил своего наездника из арьергарда в авангард, сравнившись с конем Березки. Тот настороженно фыркнул, но не испугался – лошади привыкли к странному клыкастому, своенравному сородичу.

– Мери, посмотри! – Счастливый Эш размахивал листовкой, словно флагом на куполе дворца поверженной вражеской столицы. – Нас зовут на свадьбу!

– Нас? – удивилась девушка.

– Ну-у-у, не совсем нас, – немного стушевался парень. – В принципе все это графство, но все же – зовут. Цитирую: «Стар и млад, красивый и страшный, леди или сэра, зовем вас на бракосочетание баронессы д'Ламены и маркиза Сойского! Пир на весь мир и попадание меда в рот гарантируем!»

– У нас нет на это времени.

Эш закатил глаза и хлопнул себя по лицу листовкой. Нет, такое поведение надо искоренять еще в раннем детстве. Что значит – нет времени на веселье? Нет, это как раз таки на все остальное, из-за этого самого веселья, не должно хватать песчинок в часах!

– Березка, – подал голос Тул, пристально осматривающий запасы. – А Эш дело говорит. Съездим – отдохнем, а потом в путь. До Леса Теней всего одна остановка осталась, а там уже цивилизации днем с огнем не сыщем.

– Ага, – поддакнул Лари.

Мери фыркнула – Эш тлетворно влиял на отряд, забывая головы любовью к шуткам, забавам и еде. Глядишь, «Бродячие пни» превратятся в «Бродячих шутов» и присоединятся к аквелям – народу балагана. И будут они бродить по всему континенту, показывая всякие фокусы и трюки за пару медяков в оловянной миске.

– Свадьба, – мечтательно протянула зажмурившаяся Алиса.

Это дополнение фехтовальщица и вовсе решила оставить без внимания. Восторженную девушку пирожк... тьфу, хлебом не корми – дай что-то такое романтическое посмотреть. А еще лучше – соприкоснуться с этим романтическим и обязательно сказочным.

– Мервин, – Мери решила обратиться к самому рассудительному мужчине отряда. – Что думаешь?

Мочалка задумался, параллельно сворачивая карту Арабаста и убирая в папку к остальным.

– Эш хорошо придумал, – кивнул в итоге защитник. – Мы же основной кус продовольствия хотели в Задастре купить, а так, может, что-то из замка тиснем. Плюс – нам по пути.

– Красть?! – возмутилась фехтовальщица, в жизни не нарушавшая законов.

– Почему сразу красть, – хитро улыбнулся щитоносец, вновь начиная расчесывать бороду. – Там же, подруга, гостей не счесть будет. Еда бесплатная... А значит, мы не воруем, а берем на дорожку.

– Да это... это... – От возмущения у Березки даже не нашлось подходящих слов.

Зато нашлись они у магика.

– Это гениально! – воскликнул парень. Гвидо перевез наездника к коренастому воину, и волшебник смог крепко его обнять. – Я всегда знал, что где-то в глубине твоей бороды скрывается нормальный мужик!

Березка скептически глянула на свой отряд, а потом махнула рукой. Если им так хочется упустить возможность получить королевскую награду, то пускай потом не ноют над горькой долей.

– Черт с вами, – отстраненно произнесла Мери.

– Ура! Мы едем на свадьбу!

Как можно догадаться, этот полувоинственный клич принадлежал Эшу.

Вечер того же дня

К тому времени как Миристаль сияла где-то на северном склоне ночного неба, отряд добрался до замка маркиза. Он находился на отшибе, стоя почти в пяти днях от самого окраинного города Арабаста. Эш все никак не мог взять в толк, почему замок находится именно здесь. Ведь будь маркиз ссыльным, он не был бы маркизом, а будь он бедняком, то не владел бы подобным замком.

Замком с высоким подъемным мостом, выложенным ровным древесным настилом. В качестве ворот выступали кованая решетка и две пары тяжелых дубовых створок по десять футов каждая. Когда отряд проезжал между ними, волшебник невольно сморгнул, заметив, что скобы на створках сверкают позолотой – явная роскошь.

Внутри же замок выглядел так, словно это был небольшой городок. У высоких, разве что не монолитных стен красовались всевозможные пристройки, начиная от служебных и заканчивая чем-то вроде гостевых домиков для слуг этих самых гостей. Тут и там сверкали крыши кузен, складов и даже решетка тюрьмы, воздвигнутой неподалеку от выгребной ямы. В общем, на первый взгляд, двор был рассчитан человек на шестьсот...

Удивительно, но кроме «Бродячих пней» никого и не было, так что ребята вполне могли рассмотреть высокие шпили башен, горгулий и нимф, украшающих парапеты, художественные витражи, словно украденные из самых богатых храмов. Могли полюбоваться садом с деревьями, оформленными садовниками в виде всевозможных зверей как волшебных, так и обычных. Тут дракон соседствовал с зайцем, а косуля вполне себе комфортно гналась за грифоном.

– Опоздали, что ли, – недовольно буркнул Эш.

К ним не подошел ни один слуга или камердинер, а как знал бывший баронет – это явный признак того, что все уже внутри.

– Может, уедем? – наивно предложила Мери, но нее посмотрели, как на дезертира и предателя.

Главе отряда пришлось подчиниться воле большинства. Путешественники спешились и, взяв коней под уздцы, самостоятельно повели их в стойла. Эшу пришлось очень долго уговаривать Гвидо – тот наотрез отказывался вставать под крышку к остальным копытным, коих там стояло великое множество. В итоге волшебник подкупил друга кусочком сахара, смоченном в роме. Признаться, магик лишь непостижимым усилием воли заставил себя самого не съесть лакомство, но это уже другая история.

Приключенцы, оставив оружие в специальной стойке, где под лучами Миристаль сверкали клинки остальных гостей, поспешили ко входу в центральный комплекс. У ворот Эш не заметил ни гвардейцев, ни стражников, что, признаться, несколько настораживало, но голос разума успешно заглушало урчание живота.

– Заперто, – пыхтел Мервин, пытающийся отворить тяжелые двери.

В итоге раздался мерзкий протяжный скрип и в руке защитника оказалась металлическая скоба, служившая неким подобием дверной ручки. Мочалка, почесав бороду, выкинул железку за спину, сделав вид, что это вовсе не он рушит чужой замок.

– Может, свер...

Мери даже не договорила – на нее тут же зашипели ребята, которых вело не только чувство голода, но и азарт – неизменный спутник любого авантюриста.

Эш, ухмыльнувшись, занес посох, а потом с силой, до дрожи в руках, ударил им о двери. Через мгновение те открылись, оглушая скрипом несмазанных латунных петель. Ребята буквально ввалились внутрь, разглядывая богатое убранство холла.

На стенах пылали волшебные факелы, не оставляющие после себя гари и чадного смога. В отдалении от огня красовались древние гобелены. На них от времени стали выцветать нити,

но это лишь прибавляло им некоего шарма и своеобразной красоты. На каменном полу лежал ковер с глубоким пышным ворсом, ноги в котором утопали чуть ли не по щиколотку. По углам, на столах из красного и белого дерева мерцали серебряные кубки, где-то блестели золотые рамы прекрасных картин и молоком отливала мраморная статуя.

Маркиз явно не бедствовал и жил на широкую ногу.

– Стойте! – раздался отчаянный вопль.

«Пни» рефлексивно схватились за оружие, но нащупали лишь пустые ножны – только магия сохранила посох и жезл – по законам королевств они не имели права с ними расставаться, обозначая свою принадлежность к стезе волшебников и магов.

Из-за угла выскочила компания из трех человек. Две девушки и парень. Выглядели они измученными и даже обреченными. В их глазах не было веселого блеска, присущего всем, кто приходит на свадьбу, где льется бесплатная брага, а тарелки ломаются от дармового мяса.

– Нет! – воскликнула леди с пышными белыми волосами.

По ушам вновь резанул скрип петель, потом хлопок закрывшегося замка, а следом плач леди. Она, царапая ногтями древесину, сползла по створке и, упав на колени, тихонечко заплакала.

– Что здесь происходит? – выдохнула Мери, побледневшая от испуга.

Безоружной Березка чувствовала себя максимально незащищенной и уязвимой.

– Кажется, у нас проблемы, – протянул Эш.

Он подошел к дверям, вскинул голову, вглядываясь в далекий свод, виднеющийся где-то за пятнадцатифутовой отметкой, а потом толкнул створку. Ничего не произошло. Юноша размахнулся посохом и ударил, вкладывая в это движение всю свою магию и все силы – безрезультатно. Ни скрипа, ни треска, ни стопа петель – лишь безмолвие.

– Какое странное заклинание, – задумался волшебник, проводя ладонями по дереву. За его пальцами следовало еле заметное бирюзовое мерцание – будто сотни невидимых глаз миниатюрных разрядов молний спешили за ловкими пальцами. – Очень любопытно... Делал мастер – даже мне такое открыть.

– Даже тебе? – хмыкнул Лари. Криволапый встал в стойку и выставил ножны в качестве оружия. – Мы заперты в каком-то замке, а ты говоришь «даже тебе»? Чем нам поможет бездарный волшебник, нас же сюда и заведший?!

– Давайте без оскорблений, – в примирительном жесте поднял руки Тул. – Вы пугаете Алису. – Та, словно в подтверждение слов Меткого, выглянула из-за спины Мочалки. Лучник же повернулся в сторону троицы. – Господа, вы нам не расскажете, что здесь происходит и почему вы выглядите так, словно только что дрались с легионом огнечертей?

Парень, успокаивающий беловолосую леди, повернулся к приключенцам. Было видно, что он силится что-то сказать, но создавалось такое впечатление, будто слова застревают у него где-то в глотке. Юноша лет девятнадцати краснел, тужась и раздувая щеки, но его губы не хотели шевелиться, слившись в тонкую белую полосу.

– Не могу, – выдохнул он, качая головой.

– Очень интересно, – кивал Эш, нависший над троицей. Те, обнявшись, сидели на ковре, пытаясь сжаться в один маленький комочек. – Еще одно заклинание мастера – безмолвие. Они не смогут нам ничего рассказать, пока мы сами не станем участниками чего-то, к чему относятся эти чары.

– Что ты хочешь этим сказать? – с ноткой испуга в голосе спросила Березка.

Эш разогнулся, беззаботно улыбнулся и постучал посохом по полу.

– Господа, мы в проклятом замке, – сказал волшебник, продолжая тянуть улыбку до ушей.

– Демонова задн... – договорить Мервин не успел, так как Лари вновь заткнул его рот пирожком.

Когда же мечник понял, что все с удивлением на него смотрят, то просто развел руками, мол – всегда держу парочку на такой случай. «Пни» как могли берегли нравственность Алисы, невзирая даже на такие трудности, как пребывание в проклятом замке, из которого невозможно выбраться.

– Всем успокоиться. – Мери, потеряв виски, решила взять ситуацию под контроль, пока парни не передрались, что бывало довольно часто. Ну, они ведь на то и парни. – Мы идем на пир.

– Пир?! – взревел Лари.

Не то чтобы мечник был трусливым, но когда он встречал что-то ему непонятное, то начинал психовать и выходить из себя.

– Да, пир, – кивнула Березка. – Как и сказал Эш, чтобы начать разговор с нашими собратьями по несчастью, мы должны стать частью проклятья.

Народ замолчал, обдумывая ситуацию. Пока висела безмолвная, тяготящая и даже несколько пугающая тишина, Криволапый вдруг схватил угловой столик, сбрасывая с него все золото и серебро, а потом швырнул в витраж. Увы, это не возымело эффекта. Стекло даже не затрещало, а вот столик, свергнувшись с многофутовой отметки, разлетелся в щепы, разнося по коридорам гулкое эхо.

Отряд и трое «пленников» замка посмотрели на парня с укором.

– Стоило попробовать, – буркнул Лари.

– Еще что-то сломаешь, – шипела Мери, в уме подсчитывая, какой счет выставит владелец замка, обнаружив сломанную фурнитуру из красного дерева, – будешь рассчитываться сам!

– Ага, – только и кивнул мечник.

На этом диалог был окончен, и группа отправилась искать трапезный зал. Троица местных узников, поддерживая друг друга, улизнула куда-то вверх по лестницам, но это мало волновало бывалых приключенцев. Березка однажды, когда еще была зеленой и неопытной, завела отряд в шахты, откуда под бесконечным натиском гремлинов и кобольдов (мерзейших тварей) им пришлось выбираться чуть ли не неделю, а здесь всего лишь проклятый замок.

Мервин и Тул о чем-то жарко спорили, кажется, они хотели заключить пари – кто больше съест... ну или нечто в этом роде. Алиса жалась к Лари, который выставил вперед ножны и крутил головой на все триста шестьдесят, находя опасность даже в простеньком рыцарском доспехе, стоявшем в затемненной нише.

Эш же, насвистывая незатейливую мелодию, размышлял о вечном. Увы, «вечное» весьма пагубно отзывалось о беспечном волшебнике и никак не хотело поддаваться разуму юноши. Так что уже совсем скоро житель цветочного луга попросту глазел по сторонам. Он подмечал мелкие детали, будь то щербинка на каменной кладке или трещинка у основания ножки стула. Что-то смущало флориста, и он никак не мог понять что. Возможно, это было само проклятье, нависшее над стенами старинного замка, а может, и нечто иное.

Вскоре, свернув в очередном холле, ребята оказались перед высокими тяжелыми дверьми, из-за которых доносились звуки музыки, танца, смеха и звона дорогой посуды. В общем – по ту сторону дубовых досок, сбитых металлическими клепками и скобами, шел самый настоящий пир.

Эш, подмигнув ребятам, вновь схватил посох на манер рыцарского копья, размахнулся и уже собирался хорошенько вдарить по дверям, но те распахнулись и к гостям вышел камердинер. Он был одет в строгий черный камзол с модным нынче пышным воротником. Волшебник и распорядитель встретились взглядами. Юноша, натянуто улыбнувшись, опустил посох и приветственно помахал рукой. Камердинер, в свою очередь, недоуменно изогнул правую бровь, а потом, прокашлявшись, произнес:

– Как мне вас представить, любезные гости?

– Отряд «Бродячие пни», – строго ответила Березка.

Камердинер смерил леди неприятным, даже высокомерным взглядом, но не посмел возразить. Эш знал, что по этикету говорить должен самый «родовитый» мужчина, ну а поскольку среди «пней» не наличествовало ни единого титулованного, то они как-то не заморачивались по этому поводу. Березка же всегда переговоры вела самостоятельно, резонно полагая, что ее парни могут наговорить такого, после чего придется переезжать в другое королевство.

Камердинер, поправив воротник, закрывающий чуть ли не весь подбородок, повернулся к участникам пира.

– Имею честь представить наших гостей! – кричал он. Впрочем, ему оказалось не под силу перекрыть гомон гулявших и музыкантов, играющих на небольшой сцене у западной стены, сплошь состоящей из огромных, величественных панорамных окон. – Отряд «Бродячие пни»!

Кто-то, кто слушал слугу, захолопал, но большинство и вовсе не обратили внимания на появление новых действующих лиц. Приключенцы зашли под свод трапезного зала, и ни один не смог сдержать изумленного вздоха.

В огромном зале народу было не счесть. За длинными столами, ломящимися от разнообразных яств, сидело, стояло и даже лежало бесчисленное множество самой разношерстной публики. Где-то барон лежал лицом в картошке, приобняв за талию смеющуюся служанку, флиртующую с пьяным старичком с графскими регалиями. В отдалении фрейлина, опустив руку под стол, жарко шептала что-то на ухо конюху, залитому красным цветом вплоть до кончиков ушей. Многие смеялись, пили, ели и танцевали в центре, освобожденном от столов.

Где-то выступали факиры, под аплодисменты выдыхая огонь, рядом с ними порхали танцовщицы, выпуская под далекий свод свои текучие разноцветные ленты. Перед столами ходили шуты, веселя народ плоскими, пошлыми шуточками, но именно такие и нужны полупьяной публике.

Менестрели играли на сцене так, словно от этого зависела их жизнь. Одни дули в трубки волынки, другие щелкали по струнам лютни, чьи-то тонкие пальчики порхали по арфе, за редким исключением кто-то играл на флейте или трубе. Целый оркестр стоял у стены, погружая зал в ритмы северных мелодий.

Камердинер провел отряд за один из длинных столов и усадил на свободные места. Что-то прошептал на ухо кивнувшей Мери, слуга удалился.

– Потрясающе, – сглотнул Лари, чья настороженность мигом улетучилась, стоило ему взглянуть на сочное мясо, приправленное изысканным соусом из белых грибов и сметаны.

Ребята, будто голодные волки, смотрели на изыски кулинарного мастерства, кои иногда и в самых дорогих гостиницах не подают. Впрочем, о подобных заведениях «пни» знали лишь по слухам, так как никогда не обладали достаточными средствами для остановки в таких местах.

– Пусть это и проклятый замок, – буквально рычал Мервин, наворачивая на серебряное блюдо одновременно и куропатку в чесночном соусе, и печеную в лавровых листьях картошку, и сочную баранину с маринованными грибами, и даже наливая в кубок красное полусладкое вино. – Но, демона мне в жены, здесь отлично кормят!

– Беффпорфно, – кивал Криволапый, увлеченно жуя медовую утку, фаршированную яблоками.

Тул тоже не отставал от ребят, всюю точа то ли свинину, то ли говядину. Лучник, разбрызгивая по сторонам капли мясной крови, держал стейк за кость, ничуть не беспокоясь о правилах приличия. То же самое можно было сказать и о девушках. Хоть они и старались манерно резать пищу ножиком, а миниатюрные кусочки подцеплять вилками, но было видно, что дай им волю, и они голодным зверьем вгрызутся в еду зубами.

Играла музыка, смеялись гости, танцевали пары. Взгляд сам собой искал леди, кои были наряжены в самые разные платья. От старомодных пышных «куполов», держащихся на корсетах и специальных каркасах, и до нового явления – узких нарядов с открытыми рукавами «в

разрез», чьи края касались пола. Мужчины же предпочитали банальные камзолы, так что их наряды не стоят даже строчки истории.

И как будто само собой, в какой-то момент взгляд непроизвольно останавливался у главного стола, будто стоявшего надо всеми остальными. Там тоже было веселье и слышался смех, но в центре оказалось довольно тихо. Как можно догадаться – виновники торжества находились в своей собственной вселенной, немного отличающейся от окружающей гостей действительности.

Высокий юноша с выразительным волевым подбородком и черными смоляными волосами – маркиз (видимо, старший сын какого-то состоятельного герцога) Сойский сжимал в руке ладонь баронессы д'Ламены. О, эта леди была, хотя теперь уже вернее – миледи, небывалой красоты. Пожалуй, на этом поприще лишь ее величество Элассия могла посоперничать с новоявленной маркизой.

У девушки были необычайно густые, волнистые каштановые волосы. Тонкие брови вразлет, точеный, немного курносый носик, высокие скулы, естественный румянец на белых щеках, глубокие, яркие, такие живые карие глаза и улыбка с ямочками. Ох эти ямочки! Как много про них спето песен, как много сложено стихов, но они все так же заставляют сердце мужчины биться сильнее, а глаза – теряться между ними и тонким станом с красивой высокой грудью.

Многие сэры, находящиеся в зале, нет-нет, а с завистью поглядывали на молодоженов. Впрочем, за своей похотью, щедро овеянной алкогольными парами, они совсем не замечали другую девушку. Она сидела по правую руку от маркиза. Леди цветущего возраста была несколько похожа на хозяина торжества, что не оставляло сомнений – эта милостивая девушка с пышной грудью и тонкими запястьями приходилась маркизу сестрой. Она смеялась вместе с гостями и что-то весело и неутомомно щебетала, завораживая своим бархатистым высоким голосом.

– Эш, старина, не хочешь попробовать куриную ножку под сырным соусом?

Мервин, не поворачиваясь в сторону волшебника, протянул блюдо, украшенное зеленью и овощами. Защитник подержал его немного, но, не ощутив, что поднос стал легче, все же обернулся. Каково же было удивление Мочалки, когда он увидел чистую тарелку и задвинутый стул – Эш даже не сел за стол.

– Ребята, – обеспокоенно позвал защитник, – дурачок загулял.

За глаза волшебника в отряде называли «дурачком». Такими темпами этот не самый приятный эпитет мог стать прозвищем магика.

– Да вон он! – засмеялась Алиса, указывая рукой куда-то в толпу танцующих.

– Убью, – в который раз прошипела Мери, пряча в ладонях горящее от стыда лицо.

Эш явно веселился, танцуя среди целой толпы. Посох его каким-то неведомым образом застыл за спиной, словно прилипнув к ней. Его не держали ни тесемки, ни своеобразный чехол или гротескные ножны, действительно – «палку» будто приклеили к спине.

Сам волшебник заходил в плясе. Он выделял какие-то невозможно комичные, абсурдные коленца, абсолютно не попадая в ритм и не выдерживая общего стиля. В руке юноша держал открытую бутылку рома, к горлышку которой прикладывался через каждые несколько минут.

Волшебник смеялся, беспардонно обнимал леди, коим не повезло оказаться в зоне досягаемости загребущих лапищ. Пьяные ухажеры дам пытались настичь невоспитанного тернита, но всякий раз, когда бы они ни приблизились к красавцу, тот таинственным образом оказывался по другую сторону танцплощадки. Его сандалии издавали смешные звуки, шкрябая по паркету, рваные штаны с дырками на коленках никак не могли сочетаться с дорогими нарядами гостей, а простая рубаха, выпущенная наружу, и вовсе придавала магику вид отборной босоты.

Пока все мирно, чинно ходили кругами, выставив вперед руки и каждый раз кланяясь перед очередным па, Эш крутился ураганом. Кажется, он плевать хотел на музыку и танец, юноша просто оттягивался, постоянно вливая в себя ром и утирая губы рукавом рубахи.

– И его мы взяли в свой отряд... – всхлипнула Мери, надеясь, что в зале нет новостного репортера.

Про «Бродячих пней» среди молвы ходило уже четыре баллады, и каждая из них могла стать предметом гордости для любого лидера, но вот такой славы леди не хотела. А волшебник, ничуть не стесняясь, разве что не напоказ выставил герб, выскользнувший наружу и повисший на одной лишь цепочке.

Увы, на этом страдания фехтовальщицы не закончились. Когда музыканты взяли небольшой перерыв и танцующие стали расходиться, чтобы немного посидеть и отдышаться, зал сотряс пьяный возглас:

– Тост!

Сначала Мери попыталась встать, но ее удержали Тул с Лари, а потом, когда поддатый волшебник вскочил на стол, размахивая бутылкой, фехтовальщица чуть не потеряла сознание. На краю чернеющей пропасти беспамятства ее удержала лишь необходимость запомнить данный прокол, дабы потом воздать подопечному по заслугам.

– Тост! – снова крикнул Эш, поднимая в сторону молодоженов кубок.

Самым поддатым гостям было плевать, что на стол взобрался невзрачный оборванец – они все равно кричали «Тост! Тост! Тост!», стуча кулаками и ногами. Волшебник, улыбаясь, стойко выдержал строгий взгляд матушки маркиза. Видимо, де-факто именно она управляла здешним празднеством. Где же был герцог, отец виновника торжества? Скорее всего, зажал какую-нибудь служанку в углу или баронессу, или иную доступную леди.

Натянуто улыбнувшись галдящей толпе, герцогиня незаметно кивнула просящему.

– Сегодня вечером, – начал Эш. Он шел, расставив руки в стороны, небрежно переступая через блюда и чьи-то головы, в этих самых блюдах лежащие. – Мы чествуем молодую пару! Все, без сомнения, знают про силу и отвагу благородного маркиза Сойского!

Мужчины загалдели, захлопали, некоторые даже поминали охоту и балы, где фигурировала несколько иная «удаль». Юноша краснел и с тревогой посматривал на супругу, но та делала вид, что не слышит этих коротких реплик, – мудрая девушка.

– И ни от кого не укроется красота баронессы, простите – маркизы д'Ламены! Хотя о чем это я, конечно же – маркизы Сойской!

Народ загоготал и захолопал, а Эш неотрывно наблюдал за тем, как стремительно темнеет лицо свекрови новоявленной «высокой» дворянки. Все же титул «маркиза» – третий в государстве. В каждом королевстве жило лишь несколько герцогов и всего около десятка маркизов. Так что можно себе представить, насколько в данном случае подходила поговорка – «из грязи в князи».

– Скажу вам, господа, – волшебник отвернулся от молодоженов, обращаясь к гостям, – побывал я во многих странах. Гулял на холмах Амариен, где видел заточенных в башни прелестных фей! Заблудился в Хрустальном лесу, где танцевал с эльфийскими княжнами! Я побывал в горах Амадей, где пил вино с ламиями воздуха! А доложу, никто, почти никто не может сравниться с этими прелестницами, у которых к тому же из лопаток растут настоящие крылья! Ух, господа, что они ими вытворяют...

Сэры, а также редкие на таких мероприятиях лэры и пэры засмеялись в голос, некоторые даже утирали выступившие слезы и держались за животы, которым явно стало тесно в натянутых до треска камзолах.

– Так давайте же выпьем за то, – Эш, подняв кубок, вновь повернулся к молодоженам, – чтобы, когда милорд маркиз постареет, когда он забудет, что такое теснота в штанах, а самым «жарким» звуком, который он сможет издать, станут газы из заднего прохода... – Гости, теперь

уже даже и подвыпившие леди, снова засмеялись. – Чтобы, когда в этом гнездышке будут резвиться внуки и правнуки маркиза и маркизы, муж не забывал самого важного. Не забывал того, что он женился на самой прекрасной из женщин, рождавшихся на землях королевства Арабаст!

Эш глубоко поклонился, откидывая полу рваного плаща, а потом залпом выпил содержимое кубка. Этот жест повторили все присутствующие – сотни людей поднялись со своих мест и, поклонившись молодоженам, осушили бокалы.

Зазвучала музыка, под гром аплодисментов молодожены поцеловались, и вскоре все погрузилось в привычную кутерьму. Кто-то танцевал, другие пили, иные ели, а некоторые спали. И лишь один человек на этом празднике жизни выглядел чернее тучи. Что удивительно, то была вовсе не Березка, все еще прятавшая горящее лицо в ладонях. Эш, посмотрев на это мрачное выражение, не сулящее ничего хорошего, вернулся к своим делам. А именно – охоте за юбками и распиванию рома параллельно с тем, что волшебник, по чистому недоразумению, называл «танцем». Ведь недаром же эльфы выгнали магика из Хрустального леса, запретив возвращаться под страхом немедленной казни.

Одну беспокойную ночь спустя

Эш с аккуратностью бывалого домушника выбрался из объятий пышногрудой леди с изящными, тонкими запястьями, которые так и манили впиться в них губами. Присмотревшись, юноша понял, что эту ночь провел с сестрой маркиза.

«Интересно... – подумал Эш, приюхиваясь к неуловимому, но очень знакомому запаху, шедшему от бархатистой кожи леди. – Как все интересно... Но где же мои штаны?!»

31-й день месяца гремий, 318-й год, где-то на восточной границе Срединного царства

Эш стоял на помосте. Сегодня в эту забытую богами дыру должны были привезти последнюю партию будущих легионеров. Баронета не волновало, что в бараках по краям огромного плаца жили вовсе не солдаты, а бывшие заключенные и каторжники. Он все равно продолжал называть их легионерами. Сейчас же на улице было пустынно – солнце еще не взошло над горами Хельма и народ пребывал в долине снов. Впрочем, не стоит удивляться отсутствию охраны и заграждений по периметру.

На каждом, кто получил герб седьмого легиона, красовался черный шипастый ошейник. Стоило только напасть на лейтенанта или командора, начать обсуждать бунт или попытаться сбежать, как «бум»! И вместо головы у строптивного останется лишь обугленная шея. Это придворные зачарователи хорошо придумали, здесь без нареканий. В остальном же проблемы сыпались, словно кто-то настезь распахнул ящик небезызвестной Пандоры.

Бараков на четыре тысячи вояк построили лишь восемь. Вместимостью в двести человек каждый. С подобной арифметикой справится даже деревенский пастушок – нетрудно догадаться, что так начались первые проблемы. Их пришлось решать лейтенанту Рэккеру и генералу Эшу Безымянному, предпочитавшему, чтобы его называли командором, и плевать, что звание морское.

Первым делом господа офицеры усмирили негодующих уголовников. Усмиряли весьма просто – активацией ошейника у самых ретивых. Потом началось строительство. Нет-нет, вовсе не бараков, а многоярусных кроватей. В итоге кое-как, но народ смогли разместить.

И вот месяц спустя, после тяжелых тренировок, многокилометровых марш-бросков и прочей атрибутики любого уважающего себя легиона, в часть должны были дослать последнюю партию. Кажется, их везли с обедневшего медного прииска, где больше не требовались тысячи пленных и уголовников.

– Ждешь свежее мясо? – потянулся Рэккер, поднявшись на помост.

Лейтенант, хоть уже и справил двадцать седьмую зиму, но порой являл собой настоящего мальчишку, готового подраться по любому поводу. Да чего там, иногда второму лицу легиона и повод-то не требовался.

– Жду, – кивнул Эш.

По его мнению, это был самый дурацкий вопрос, какой только можно задать в подобной ситуации. Ну а раз вам задали идиотский вопрос, то и отвечать на него следует так же – по-идиотски. Лейтенант, смерив командора немного насмешливым взглядом, всего одним словом призвал себе стул. Тот, словно резвый мустанг, вырвался из «штаба» (по сути – небольшой хибары на две комнаты), пронесся по плацу, взлетел по лестнице и замер аккурат под пятой точкой заместителя Рэккера.

– Хочешь, научу? – хмыкнул некрасивый мужчина.

У него были несколько размазанные черты лица, будто он пил не просыхая или налегал на слишком жирную пищу. И, даже несмотря на статную фигуру и крепкие мышцы, Рэккер имел проблемы с противоположным полом. Лейтенанту нравились женщины, предпочитавшие обходить его за несколько футов. Одним словом – Рэккер был падок на красоток, а они на него нет, что порождало массу проблем, в том числе и с борделями.

От расположения седьмого легиона до ближайшего города лежало миль семь, что на хорошем скакуне не занимало слишком много времени. Вот Рэккер и ездил туда каждые несколько дней, дабы унять зов плоти. Увы, лейтенант был груб не только в жизни, но и, судя по всему, в постели.

Эшу приходилось несколько раз мотаться в Гнесс – город у границы, и вытаскивать лейтенанта из тюрьмы. Причем платить требовалось без малого – всем. И «матушке» в борделе, и служивым, повязавшим офицера легиона на избитом до состояния хорошего бифштекса холодном теле, и капралу, оформившему документы в суд. Благо до самого суда дело никогда не доходило.

Денег, прихваченных баронетом из дворца (кое-какие сбережения у него все же имелись) хватало на подобные издержки – лейтенант того стоил. Он был толковым волшебником, надежным человеком и вполне себе юморным подчиненным. Плевать, что юмор у него оказался чернее грозовой тучи, зато Рэккер, как и Эш, подчинял пламя, что открывало небывалые возможности для спаррингов.

– Хочу, – заинтересованно кивнул самый молодой генерал за всю историю Срединного царства.

Лейтенант уже начал было объяснять Слово, позволяющее «говорить» со стульями и табуретками, как на горизонте показались несколько черных точек. Они все приближались, поднимая клубы дорожной пыли, и вскоре у границ расположения остановились солдаты, сопровождавшие «мясо». Так с подачи того же Рэккера в легионе стали называть всех новеньких.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.